

От автора романа «Первая дочь»

Второй сын

ЭМИ ХАРМОН

Романы Эми Хармон

Эми Хармон

Второй сын

«Издательство CLEVER»

2021

УДК 82-311.3
ББК 84(7Coe)

Хармон Э.

Второй сын / Э. Хармон — «Издательство CLEVER»,
2021 — (Романы Эми Хармон)

ISBN 978-5-00154-981-9

Холодное море выбросило осиротевшую Гислу на мрачные берега Сейлока. Она была обречена на гибель, если бы ее не нашел загадочный обитатель прибрежной пещеры. Ее спасителем оказался слепой мальчик Хёд, унаследовавший имя бога. Так они оказались связаны не только судьбой, но и магией рун. Когда Гисла поет, Хёд может видеть. Ни время, ни расстояние не способны их разделить, даже когда Гисла вынуждена стать дочерью храма и подчиниться безжалостному королю, а судьба Хёда предрешена древним пророчеством. Среди войн и интриг Гисла и Хёд сражаются против всего мира. Какие жертвы им предстоит принести, чтобы победить силы, готовые разрушить связь между их душами?

УДК 82-311.3
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-00154-981-9

© Хармон Э., 2021
© Издательство CLEVER, 2021

Содержание

Пролог	7
Часть первая	12
1 Одна-единственная	12
2 стороны	22
3 руны	31
4 шага	40
5 лет	48
6 кланов	55
7 лучей	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Эми Хармон

Второй сын

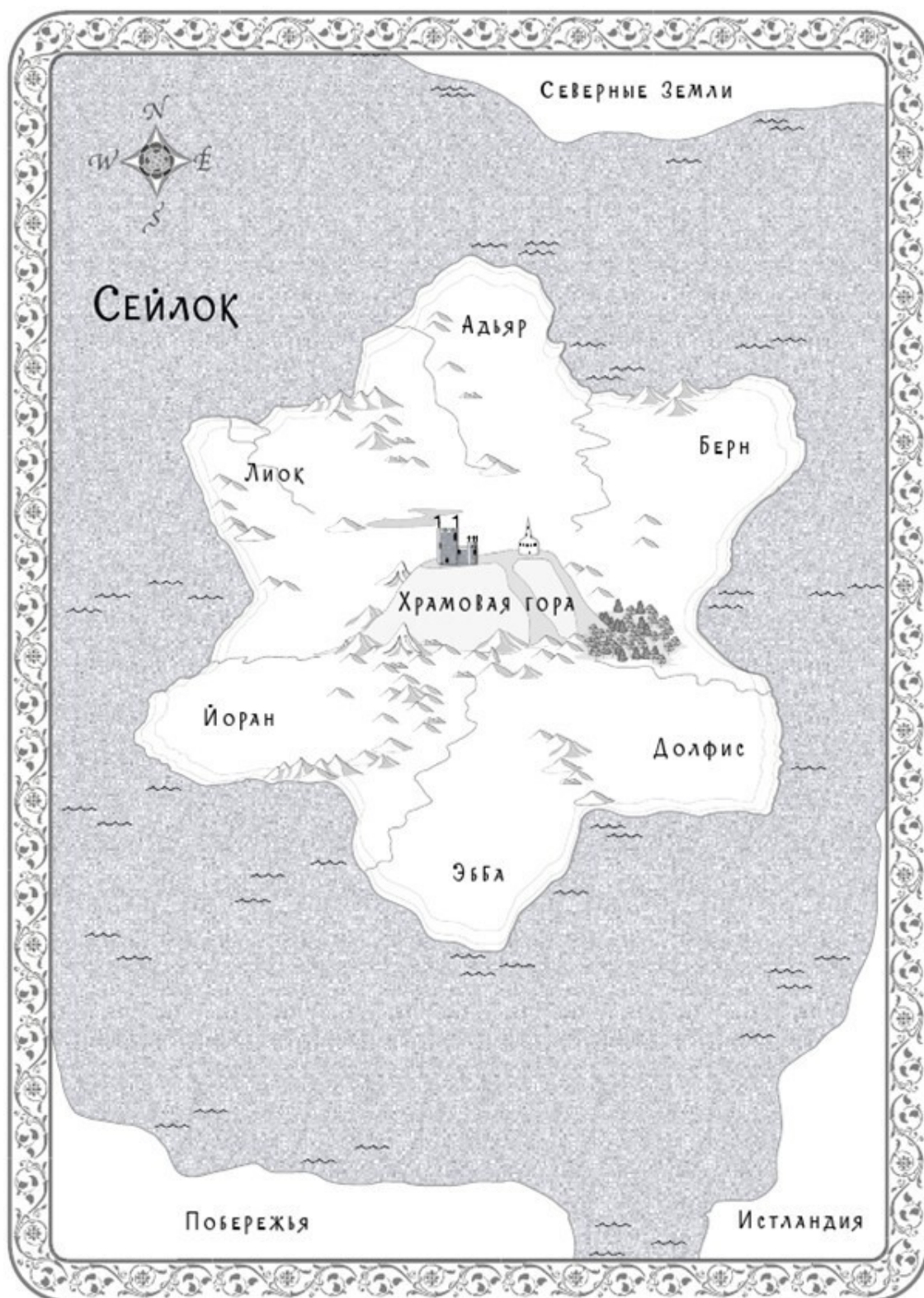
Оригинальное название: THE SECOND BLIND SON

Text Copyright © 2021 by Amy Sutorius Harmon This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com in collaboration with Synopsis Literary Agency.

Cover design by Faceout Studio, Tim Green (1)

Изображение на обложке Credit Line© Logan Zillmer / Trevillion Images (2)

ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2022

Это выдуманная история. Имена, персонажи, институты, места, события и факты – плод воображения автора или созданный им вымысел. Любое сходство с реальными людьми, как живыми, так и уже покойными, – чистая случайность.

Ибо когда я немощен,
тогда силен.

Второе послание к Коринфянам, 12:10

Пролог

Каждый год, после сбора урожая и до наступления холодов, в Сейлоке проводился королевский турнир. Ярлы кланов вместе со своими воинами собирались на Храмовой горе и участвовали в череде состязаний. Они мерились силой и сноровкой и определяли, какой из кланов самый свирепый. О победителях турнира слагались легенды. Во дворе замка и на Храмовой горе две недели шли праздничные гуляния. На ветру реяли цветные полотнища: зеленое, золотое, красное, оранжевое, синее, коричневое – в честь шести кланов, лиловое – в честь хранителей храма.

Флаги приветствовали всех жителей Сейлока, каждый год приходивших принять участие в празднествах. Но женщина, что с трудом поднималась в гору с маленьким сыном на руках, шла не затем, чтобы поглазеть на турнир или продать на базаре свой товар. Она шла за благословением верховного хранителя. Шла за чудом.

Пока длился турнир, двери храма были открыты и любой мог туда зайти. Хранители благословляли пришедших, давали советы, отпускали прегрешения и молились. Законы в Сейлоке устанавливал король, за их соблюдением следили ярлы, но хранители имели право помилования. Те, кому удавалось добиться встречи с ними, обретали «новую жизнь», свободу от прежних грехов и приговоров. А еще хранители утешали и исцеляли.

Чаще всего пришедшим в храм отпускались духовные прегрешения, и лишь изредка – настоящие преступления. Правосудие вершилось в кланах сурово и скоро. Редкие осужденные умудрялись добраться до храма и встретиться с хранителями. И все же каждый год, пока шел королевский турнир, хотя бы один печально известный беглец получал прощение.

Но эта женщина не была беглянкой и не жаждала отпущения собственных грехов – хотя и знала, что грешила достаточно. Она не собиралась просить об исцелении, хотя и знала, что умрет. Болезнь наполнила ее отчаянной смелостью, и теперь она, тяжело дыша, поднималась в гору с одной-единственной целью.

Перед храмом стояли толпы тех, кому не терпелось попасть внутрь, и женщине пришлось целый день ждать своей очереди. Она отхлебывала воду из фляжки и пыталась развлечь сына. Мальчик был смирный: он тихо играл у ног матери, что-то чертил пальцем в пыли да ел по кусочку хлеб из дорожной торбы. Но самой женщине, изможденной долгой дорогой, сделалось совсем худо. Перед глазами плыло, и она совершенно упала духом. Она не могла ждать вечно, вообще не могла больше ждать.

На закате зазвонили колокола, и стражники, стоявшие у широких дверей, стали разворачивать народ, чтобы закрыть храм.

– Приходи завтра, – настойчиво повторяли они, отталкивая настырную женщину в сторону. В толпе было полно отчаявшихся матерей.

Она подняла свою торбу, взяла сына за руку и заозиралась в поисках укрытия, где можно было бы переждать ночь. Фасад храма украшали колонны, ко входу вела лестница, на каждой ступеньке которой уже сидели бедолаги вроде нее самой. Наутро, когда двери храма вновь распахнутся, они будут первыми в очереди. Пошатываясь, она пошла вокруг храма. Она едва понимала, куда идет, и лишь цеплялась за маленькую ладошку сына. В каменной стене, окружавшей храм, она обнаружила дверь, которую никто не охранял, но, подергав за ручку, поняла, что дверь заперта. За стеной ютилась скотина. Женщина слышала животных, чуяла их запах. Ей нужны лишь горстка соломы, да крыша над головой, да колодец, чтобы наполнить фляги. Она потрясла дверь, надеясь, что ей откроют, но ее никто не услышал.

Она опустилась на землю под стеной, прижалась к ней щекой, собираясь с силами. Солнце зашло за храм, и камни начали остывать. Она притянула к себе сына и закрыла глаза. Она

подождет, пока кто-нибудь придет к этой двери, и станет умолять, чтобы ее пустили в хлев на ночлег. Она уже делала так. Много раз.

Быть может, она заснула, но вряд ли проспала слишком долго. Ее головы коснулась чья-то рука. Решив, что это сын, она чуть слышно сказала ему:

– Я просто устала, Бальдр. Я отдохну. Никуда не уходи.

– Тебе нужна помощь, женщина?

Голос был мягким, низким. Она изумленно взглянула на стоявшего перед ней человека. То был коротко стриженный мужчина в балахоне темно-лилового цвета, что отличает хранителей от представителей шести кланов. Он прижимал к груди младенца, и потому женщина решила, что ей это снится.

Перевязь для младенца была сшита из той же лиловой ткани, что и балахон, и оттого казалось, что крошечная головка парит прямо у сердца хранителя.

Она никогда прежде не видела ничего подобного. Мужчина с ребенком на руках вообще выглядел непривычно. Мужчины Сейлока не заботились о детях. А поверить, что перед ней и правда стоит *хранитель* с младенцем, она вообще не могла.

Она закрыла глаза и снова их раскрыла, но хранитель так и стоял над ней, протягивая к ней руку, а в лиловой суме у него на груди покачивался спящий младенец.

– Я пришла к верховному хранителю, – пробормотала она, протирая глаза. – Я не могу ждать до завтра.

– Я не мастер Айво, а лишь хранитель Дагмар. Но я сделаю для тебя что смогу.

Он взял ее за руку и помог подняться. Почувствовав, что она встает, Бальдр тоже встал и принялся похлопывать ее по ноге, искать ее руку.

– Это твой сын? – спросил хранитель Дагмар.

Ребенок был ладный и крепкий, с черными курчавыми волосами, пухлыми ручками и ножками, но его глаза походили на две одинаковые, совершенно пустые лужицы мутной и холодной зеленой воды.

Люди часто смотрели на него с нескрываемым ужасом и спешили отойти.

– Да. Он не видит, – объяснила она. – Порой мне говорят, что он меченый. Его глаза пугают людей. Но он не злой, хранитель. Он добрый и сообразительный. У него быстрый ум.

– Как ты зовешь его?

– Бальдром.

– Бальдр Возлюбленный. Сын Одина, – сказал хранитель Дагмар.

– Бальдр Возлюбленный. Бальдр Отважный. Бальдр Добрый. Бальдр Мудрый. В нем все это есть, – гордо сказала она.

Хранитель безо всякого страха взглянул на мальчика и погладил его по голове. От его доброты у нее защипало в глазах. А еще она вновь испытала надежду.

– Я из Берна, хранитель. И мне нужно встретиться с верховным хранителем, – взмолилась она.

– Ты больна? – спросил он.

– Да. – Она знала, что глаза у нее блестят, щеки красны от жара, а из груди, несмотря на все попытки сдержаться, рвется глубокий кашель. – Да, я больна уже давно, и мне не становится лучше. Мне нужно благословение. Но не для меня. Для сына.

* * *

Верховный хранитель, мастер Айво, сердился.

Во время королевского турнира двери храма открыты для всех обитателей Сейлока, но теперь день закончился, храм закрылся, а ему, старику, пора было отдохнуть.

Но эта женщина с ребенком как-то сумела проникнуть в святилище, куда пускают лишь хранителей, королей да изредка ярлов. Наверняка кто-то провел ее сюда.

– Ты должна сейчас же уйти, – прошипел Айво.

– Я всего на минуту, мастер, – ничуть не смутившись, сказала она и двинулась вперед.

Кресло мастера скорее походило на трон, чем на обычный стул: верх высокой спинки украшали шипы, напоминавшие лучи солнца или спицы колеса. Кресло казалось непригодным для сидения, и он знал об этом и радовался, что в действительности оно очень удобно. Оно стояло на возвышении близ алтаря. В нем ему так хорошо думалось... и так хорошо спалось.

Женщина остановилась ярдах в трех от него, у самого алтаря, и сложила руки, как побитая рушка.

– Я попрошу твоего благословения, о верховный хранитель... и сразу уйду.

Отчаянная смелость сияла в ее горячем взгляде, рвалась с молящих губ. Лохмотья, прикрывавшие ее тонкое тело, были в пыли после долгой дороги, но ребенок, стоявший с ней рядом, казался здоровым и относительно чистым. Правда, с глазами у мальчика было что-то не то.

Внезапно мастеру Айво стала ясна цель этой женщины, и он проклял того, кто проявил к ней сострадание. Чертить руны и миловать мог не только верховный хранитель. Пока шел королевский турнир, все хранители целыми днями врачевали и зывали к рунам. И все же эту женщину привели к *нему*, безо всяких церемоний впустили в *его* святилище, и теперь *он* должен будет сказать ей, что есть хвори, над которыми руны не властны. *Трусы*. Он с ними еще разберется.

– Он когда-нибудь видел? – нетерпеливо спросил мастер Айво, махнув рукой в сторону мальчика.

– Нет, мастер, его глаза были такими с рождения.

– Он не болел?

– Нет.

– Значит, я не могу его исцелить. Не могу вернуть то, чего никогда не было.

Женщина понурилась, и на миг ему показалось, что она сейчас упадет.

Он проклял норн, которым так нравилось ему досаждать.

– Я дам вам обоим благословение силы. Потом ты уйдешь, – смиростивился Айво.

Он небрежно начертил в воздухе руну, пробормотал благословение на мозг, кости и мышцы. В сложившихся обстоятельствах от него нельзя было требовать большего. Маленький мальчик выпустил материнскую руку и склонил темноволосую голову набок. А потом высоким нежным голосом повторил благословение, слово в слово. Досада Айво рассыпалась прахом, смешавшись с пылью, что покрывала пол в святилище. Но женщина не утешилась. По щекам у нее побежали слезы.

– Боюсь, силы недостаточно, мастер, – прошептала она.

– Почему? – буркнул Айво. Ей не пристало знать, что в его сердце произошла перемена.

– Мой сын – хороший мальчик, мастер. Но его слепота – бремя, которое никому не по плечу. А я больше не могу о нем заботиться.

– Где его отец? И как же твой клан?

– Я из Берна, мой отец мертв, а я знала многих мужчин, мастер. – В ее голосе не слышалось ни тени раскаяния.

Айво чувствовал, что она не лжет, но подозревал, что она недоговаривает. Многие женщины что-то скрывают, говоря о подобных вещах. В особенности если беседуют со стариком-хранителем, ведь он – как им кажется – не способен понять.

– Отведи его к ярлу Банрууду. Ярл обязан заботиться обо всех детях своего клана.

В ответ она промолчала. Она явно не собиралась с ним согласиться. В отчаянии она опустила голову еще ниже.

Мастер Айво со вздохом всплеснул руками.

– Я не могу вылечить его глаза... но могу исцелить *тебя*, чтобы ты и дальше заботилась о нем, – предложил он.

Женщина с облегчением кивнула, и он жестом велел ей подойти к нему. От усталости у нее дрожали руки. Кожа горела от жара. Чтобы прогнать болезнь, ему придется начертить руны в каждом углу храма. В дни турнира всегда так.

Собственной кровью он нарисовал у нее на лбу три руны: руну дыхания, руну силы и руну, которая должна была прогнать болезнь из ее груди. Жизнь и смерть ему не подчинялись, и потому решать, будет ли выполнена его просьба, предстояло нормам; и все же глаза женщины просветлели, а дыхание стало чистым.

Он подождал, пока руны уйдут под кожу, и стер с ее лба остатки крови. Он не оставит следов, которые смогут увидеть другие.

– А теперь иди. И заberi мальчика.

Она попятилась, благодарно кланяясь. Но начертанная им руна исцелила не только тело. Она восстановила надежду, и женщина решилась на еще одну просьбу.

– Говорят, что среди хранителей живет дитя, младенец. Прямо в храме. Вот чего я хочу для сына, – выпалила она.

– Говорят, значит? – хмыкнул он.

Говорят в самом Берне? В этом он сомневался. Зато теперь он знал, кто из хранителей впустил эту женщину в святилище. Хранитель Дагмар был занозой у него в пальце. Камешком у него в башмаке. Язвой у него во рту. Причем с тех самых пор, как Дагмар явился на гору. Тогда он – долговязый, напористый мальчишка – грозил сброситься со скал Шинуэя, если верховный хранитель не позволит ему остаться на обучение в храме.

Хуже всего, что Дагмар всегда добивался своего. Несколько месяцев назад он принес в храм младенца Байра, сына своей умершей сестры, и Айво опять ему уступил. А ведь прежде такого еще никогда не бывало. Такого вообще *не должно было* быть. И вот теперь эта женщина просит его о том же. Айво предупреждал Дагмара. Всего одно исключение – и правило тут же перестает существовать.

– Можешь воспитать из него хранителя? – взмолилась женщина. – Он очень умен.

– Хранителя, – повторил мальчик, стоявший у алтаря. Он поднял руки так высоко, как только мог, и коснулся резного дерева пальцами. Руны, вырезанные на алтаре, сплетались друг с другом, и их нельзя было различить. Прочесть их мог только тренированный взгляд. Так их защищали – даже в святилище. Даже на нижней, невидимой стороне алтаря.

– Руны, – восхищенно произнес мальчик.

Айво потрясенно ахнул:

– Он узнаёт руны.

– Он не знает ни единой руны, – возразила женщина, мотая головой. – Я не знаю ни единой руны. Клянусь, верховный хранитель.

Пользоваться рунами разрешалось только хранителям. Женщине было чего бояться, но Айво не стал ее бранить. Вместо этого он продолжил смотреть за мальчиком. Ребенка завожили резные узоры, по которым он водил пальцами. Через мгновение он опустил на корточки и начертал в пыли на полу руну – два полукруга, спиной к спине, один смотрит влево, а другой вправо. Первый полукруг разделяла надвое стрела, и ее черенок проходил сквозь второй полукруг. Если Айво не изменяла память, начертанная мальчиком руна точно повторяла ту, что была вырезана прямо у него над головой.

Мастер нахмурился и изумленно уставился на ребенка:

– Это руна Хёда.

Женщина наморщила лоб, ничего не понимая.

– Он нарисовал руну Хёда, слепого сына Одина, – прошептал Айво.

– Он ничего не знает, мастер. Но он всегда так делает. Трогает и... рисует. Он так учится, – заверила женщина и наклонилась, собираясь поскорее стереть рисунок.

– Оставь! – прошипел Айво, и мать с сыном застыли.

Верховный хранитель не верил в совпадения. Слепой мальчик, которому на вид не больше четырех лет, изобразил руну слепого бога.

– Подведи его ко мне, – потребовал Айво и протянул руку к ребенку.

Женщину вдруг охватил страх, и она помедлила, но потом все же повела ребенка вперед. Они подошли прямо к огромному креслу верховного хранителя. Мальчик робко пошарил перед собой руками и положил ладони на колени мастера Айво, словно зная, что теперь будет.

Айво опять замер в изумлении. К нему никто никогда не прикасался. Наверное, женщина догадалась об этом.

– Бальдр, – окликнула она сына и сняла его руки с коленей старика.

– Его зовут Бальдр? – не переставая изумляться, спросил Айво.

– Д-да, мастер, – неуверенно ответила женщина. – Я из Берна. В Берне это... ч-частое имя.

– Он не Бальдр... Он Хёд, – прошептал Айво.

Оба имени были так тесно связаны друг с другом, что для Айво это стало лишь очередным подтверждением предназначения ребенка.

– Разверни ему руки, чтобы я увидел ладони, – потребовал Айво.

Женщина послушалась, схватила мальчика за запястья и развернула кверху его ладошки. Теперь он стоял перед мастером в молящей позе. Айво склонился вперед.

– Руны прячутся у нас на ладонях, на каждой фаланге, в каждой линии и в каждом витке, – пробормотал Айво, объясняя встревоженной матери, что происходит.

На коже мальчика уже видны были знаки, причем куда лучше, чем на коже других людей. Особенно четко проступала руна звука и запаха. Линии будут становиться все глубже по мере того, как ребенок будет ими пользоваться. Но Айво сделает их еще более глубокими. Это дар ребенку, которому так отчаянно нужны все доступные ему чувства.

Царапнув острым ногтем подушечку своего пальца, верховный хранитель выдавил капельку крови и нарисовал на лбу у ребенка руну забытья. Тот тут же обмяк на руках у матери. Так ему легче будет уснуть.

– Теперь он будет спать. А я его благословлю, – объяснил Айво. – Мальчик не должен двигаться, не должен чувствовать, как руны обжигают кожу.

Своим заостренным ногтем он прочертил крошечные руны на правой ладони мальчика, и линии на коже ребенка заполнились кровью. Мать ахнула, не понимая, что даровал ее сыну верховный хранитель, и смутившись при виде крови.

– Его слух, обоняние и осязание будут развиты гораздо сильнее, чем у других людей, – сказал Айво, разгибаясь. Согнув пальцы мальчика, он прижал их к его окровавленной ладошке. – А теперь забери его.

Силы вернулись к женщине, и она легко подняла спящего сына.

– Спасибо, верховный хранитель. Спасибо, – прошептала она.

Нагнулась, подняла с пола торбу, перекинула лямку через плечо, поудобнее перехватила ребенка и зашагала к дверям святилища.

В голове у Айво вскрикнули норны, и он покорно всплеснул руками им в ответ.

– Женщина!

Она обернулась.

– Ты не можешь остаться здесь, на горе... но я знаю место, куда... может отправиться твой ребенок, – сказал он.

Часть первая

1 Одна-единственная

Гисла больше не слышала криков мужчин на палубе, воплей женщин и детей, сгрудившихся в трюме в надежде переждать шторм. Она слышала лишь вой небес и грохот волн, а те, подчиняясь стихии, швыряли ее то вверх, то вниз. Она вскарабкалась по трапу, распахнула люк и бросилась в воду, за борт. Никто не попытался ее остановить. В царившей на корабле суматохе никто ничего не заметил.

Гисла хотела умереть. Хотела покончить со своими страданиями и одиночеством, покончить со страхом. Она хотела этого больше всего на свете, но, когда рядом с ней из воды вдруг вынырнула небольшая бочка, она уцепилась за нее, влезла поверх и, раскинув в стороны руки и ноги, обхватила ее, словно младенец тело матери. Смерти придется чуть-чуть подождать. Гисла разом утратила свою решимость.

Шторм ярился, и Гисла ярилась в ответ, пела песни, которым ее научила мать, пыталась вновь обрести былую решимость. То были песни для сева и песни для сбора урожая. Песни для ужина и песни для отхода ко сну. Были даже песни на случай смерти и песни, отгонявшие смерть прочь. Но песен, призывавших смерть, Гисла не знала и потому все тянула ту песню, которую они всегда пели в конце дня, перед тем как ложились спать. Гисла была из семьи певцов, что жила в деревне певцов, стоявшей в стране певцов.

– Раскрой небеса. Раскрой землю. Раскрой сердца людей, закрой раны и боль. Услышь мой голос, возьми мою руку, помоги мне встать и снова взяться за плуг, – пела она. – Мать, отец, Гилли! – зарыдала она, пытаясь перекричать бурю. – Помогите мне вас найти. Я хочу к вам.

«Твой голос, Гисла, сумеет раскрыть небеса, – твердила ей мать. – Сам Один не смог бы тебе отказать, если бы его попросила». Но Один, казалось, ее не слышал, хотя она молила его прийти и забрать ее.

– Я весь день буду петь для тебя, Всеотец, буду петь каждый день. Только дай мне прийти к тебе и позволь мне остаться, – пела она, дрожащими руками цепляясь за бочку.

Она не могла ее отпустить. У нее не было никакого желания жить, но... отпустить ее она не могла. И потому она пела, и ей вторили ветер и волны, пока усталость не лишила ее разом и голоса, и сознания.

* * *

Она очнулась от света, тепла и чувства, что рядом с ней кто-то есть.

– Я умерла? – спросила она.

Когда она уснула, ей было холодно и мокро, вокруг качалось бескрайнее море, а в горле першило от соли и пения. Тогда она закрыла глаза и погрузилась во тьму, не ведая, выживет ли, а теперь оказалась здесь. Но она не знала, где это *здесь*.

– Нет.

Голос был юный и низкий, лишь недавно обретший глубину. Он напомнил ей брата, Гилли. Голос Гилли звучал точно так же: дрожал и срывался, метался от мальчишеского к мужскому, взрослому. Она попыталась разглядеть обладателя этого голоса, но веки были так тяжелы, а сон так сладок.

Когда она проснулась в следующий раз, тепло стало иным, свет тоже переменялся и солнце грело ей щеку. Что-то щекотало ее голую ногу. Она резко дернула ногой, испугавшись, что щекотавшее ее существо заберется под юбки или искушает ей пальцы, и оглядела свои ноги, пытаясь понять, что же ее разбудило.

Ее щекотал юноша, сидевший на корточках возле ее ступней, – темный силуэт в ярких лучах солнца.

– Ты проснулась?

Она кивнула, подобрала под себя ступни и укрыла их юбками, но он лишь склонил голову набок, прислушался и повторил свой вопрос:

– Ты проснулась?

– Да.

Язык был тяжелым, губы распухли. Она села и с внезапным отчаянием поняла, как страшно ей хочется пить. Юноша словно почувствовал это. Он легонько встряхнул флягу с водой и протянул ей:

– Пить хочешь?

Гисла снова кивнула, но он просто ждал, словно думал, что она должна сама взять у него флягу. Схватив ее, Гисла отодвинулась от него подальше и лишь затем вытащила пробку и выпила все, до последней капли. Утерев рот, она поняла, что выпила бы еще, и пожалела, что не оставила хоть каплю, чтобы смыть соль с глаз. Все лицо у нее саднило.

– Прости, я выпила всю твою воду. Я не хотела.

Она попыталась вернуть ему флягу, но он ее не взял. Он забрал ее только тогда, когда Гисла подошла ближе и коснулась флягой его руки. Потом он встал, но солнце так и светило ему прямо в спину. В ярком сиянии деталей было не разобрать, и Гисла прикрыла глаза ладонью, стараясь различить его черты.

Юноша был худ, высок и широкоплеч, но совсем не жилист. Он был одет во что-то грязновато-коричневое, волосы казались совсем короткими, словно шерсть у недавно остриженной овцы, а глаза смотрели куда-то в сторону, вдаль, и она никак не могла разобрать ни их цвета, ни его намерений.

– Я могу набрать для тебя еще воды... но нам придется немного пройти. Ты можешь идти? – спросил он.

В руках он держал длинный посох, направленный прямо к небу. Он сжимал посох в ладонях, словно ждал, пока она встанет на ноги.

Она попыталась оценить свое состояние. Все тело болело, но ран не было. Одежда высохла, но затвердела от соли. Она поднялась, встряхнула свои тонкие юбки, смахнула песок с рукавов и с лица. Она едва доставала юноше до плеча, он осторожно вытянул вперед руку и положил ладонь ей на голову, словно запоминая ее рост.

Она отшатнулась, и его ладонь безвольно упала. Он так и смотрел куда-то в сторону, в пустоту. Теперь, встав на ноги, она смогла лучше его разглядеть, хотя солнце так и светило ему прямо в спину. Глаза у него были цвета мха, что растет на камнях, но их закрывала белая пелена, и зрачков вовсе не было... а если они и были, то прятались за плотной молочной завесой. Она сделала шаг назад, решив бежать от него как можно дальше, но бежать было некуда. Перед ней расстилалось море, за спиной высились скалы и горы, вправо и влево, покуда хватало глаз, тянулся песок. Здесь был лишь этот юноша, лишь этот пляж. И она.

– Я слышал... как ты пела во тьме. Прошлой ночью. Я думал, ты никса. Но никсы крупнее, – мягко сказал он. – Меня удивило, какая ты маленькая.

– Никса? – переспросила она.

– Женщина с рыбьим хвостом, что поет и зовет моряков за собой, в глубины морей.

– У меня нет рыбьего хвоста.

– И правда нет. – Он сверкнул ровными белыми зубами, но глаза его не улыбнулись. – Я щекотал тебя за пятки, помнишь?

– Но я не женщина.

– Но ведь ты... девочка?

Она нахмурилась:

– Да. Разве не ясно?

– Я никогда еще не встречал... девочку. В Сейлоке мало девочек... а среди хранителей пещер их вообще нет.

– Что за хранители пещер? И что за Сейлок? – спросила она, но в горле у нее уже поднимался ком ужаса. Куда она попала? И что у него с глазами? Они напомнили ей глаза Гилли. Но Гилли умер.

– Это Сейлок.

Сейлок не слишком отличался от ее дома. Деревья, камни, крутые скалы, белый песчаный пляж, а за ним лес.

– Этот пляж – Сейлок?

– Сейлок – вся эта земля. Мы сейчас в Лиоке, это часть Сейлока... хотя здесь, у берега, никто не живет, из-за бурь.

– Никто, кроме тебя?

– Кроме меня... и Арвина.

– Кто такой Арвин?

– Мой учитель.

– Где он?

– Не знаю. Он вернется. Иногда я чувствую, как он за мной наблюдает. Но не теперь. Его нет уже несколько дней. Думаю, он поверил, что я могу справиться без него. Это часть моего обучения.

– Ты учишься? Чему?

– Жить самостоятельно.

Почему ему хочется жить самостоятельно? Гисле этого не хотелось. И все же она жила сама по себе. И всегда будет так жить. На нее вновь навалилась усталость, и она покачнулась, почувствовав, что хочет снова лечь на песок, уплыть обратно по реке сновидений, принесшей ее сюда.

– Идем... я отведу тебя к ручью, – сказал юноша и зашагал прочь; она смотрела ему вслед, не зная, стоит ли ей идти за ним. – Я тебя не обижу, – продолжил он, не замедляя шаг. – Не бойся меня.

Она догнала его и неуверенно зашагала рядом. Он двигался легко. По прямой. Но перед каждым шагом ощущивал путь концом посоха.

– Так ты не видишь? – спросила Гисла, собрав наконец воедино спутавшиеся мысли.

– Не вижу.

Она не знала, что сказать. Голос у него был спокойным, двигался он уверенно и даже ловко, без колебаний, без страха, но проверял тропку, прежде чем сделать шаг.

– Откуда ты знаешь, куда нужно идти? – прошептала она.

– Я уже бывал здесь много раз. Я здесь живу, – и он улыбнулся ей, словно сочтя ее вопрос забавным, а она вновь ошеломленно уставилась на его затуманенные глаза.

Карабкаясь на скалу вместе с ним, она не смотрела вперед и вдруг оступилась и тяжело рухнула, расцарапав ноги и руки. По склону вниз покатались камни. Он тут же замер, повернулся к ней:

– Ты поранилась?

Ладони болели, правое колено саднило. Она заметила, что на самой глубокой царапине выступила кровь, но рана была пустяковая.

– Все в порядке, – сказала она.

– Может, лучше тебе идти следом за мной? Ты успеешь рассмотреть меня, когда мы остановимся.

Она даже не стала оправдываться. Ухватив его за руку, она поднялась и пошла следом за ним, но теперь уже внимательно глядела под ноги. Он провел ее через скалы и вверх по холму, к небольшой рошце, где среди деревьев журчал ручей.

– Вот. Вода в ручье свежая и холодная. Но будь осторожна и в воду не заходи, ручей резко набирает глубину. Можешь промыть свои раны.

– Я не ранена.

– Разве у тебя не идет кровь? – мягко спросил он.

Она нахмурилась от того, что он поймал ее на лжи, не понимая, откуда он мог это узнать.

– Ты точно ничего не видишь? – И она взмахнула руками, проверяя, правду ли он говорит.

– Когда ты так делаешь, я чувствую, как движется воздух, – сказал он. – Я слышу тебя...

А у крови особый запах.

Прекратив махать руками, она потрясенно замерла:

– Ты что, почувствовал запах моей крови?

– Да.

– И где у меня кровь?

– Не знаю... но кожа на коленях гораздо тоньше, чем на ладонях. Судя по звуку, с которым ты упала, я сказал бы, что у тебя разбиты колени.

– Всего одно, – пробормотала она. – Вообще не больно.

– А я думаю, больно. Тебе нужна моя помощь?

Не ответив, она прошла у него за спиной и приблизилась к ручью. Вняв его совету, она все же не стала заходить в воду, бежавшую по округлым камням. Она принялась пить, а когда напилась, смыла соль с рук и ног и промыла окровавленное колено, стараясь при этом не стонать и не хныкать. Он ждал, не сходя с места, склонив голову набок, и ей казалось, что он слушает – так же, как мужчины обычно смотрят, что он считает каждый ее вдох, следит за каждым движением.

– Давай я наполню твою флягу, – предложила она, закончив. – Ту, из которой я пила. – Но он сам подошел к ручью и, сев рядом с ней на корточки, набрал во флягу воды. Все это время он не отворачивался от нее, словно не хотел выпускать из виду.

Когда он снова встал на ноги и сунул флягу себе за пояс, она тоже поднялась, вдруг испугавшись, что обидела его и что он сейчас уйдет.

– Я Гисла, – сказала она.

– Гисла, – повторил он и кивнул. – Сколько тебе лет, Гисла?

– Четырнадцать.

– Четырнадцать? – удивленно переспросил он.

– Да.

– Значит... ты маленького роста? – Он задал вопрос неуверенно, словно не зная, как правильно спросить, или не понимая, правду ли она говорит.

– Я очень маленького роста. Мать говорила, что наш народ медленно растет.

– Твоя мать?

– Она умерла.

Ее голос звучал совсем глухо, но юноша не сказал, что ему жаль, не стал дальше расспрашивать. Он просто молчал, словно ждал, что она расскажет еще что-нибудь. Но она не стала.

– Сколько тебе лет? – спросила она.

– Шестнадцать. Мы почти ровесники, – медленно сказал он.

– Ты высокий, – сказала она.

- Правда? – с интересом переспросил он.
- Твой народ высок?
- Не знаю.
- Не знаешь, потому что не видишь? – не отставала она.
- Не знаю, потому что... я... не знаю свой народ.
- У тебя есть имя?

Казалось, он задумался над ее вопросом.

- Да.

Она подождала, но он ничего больше не сказал.

- Как мне тебя называть? – Теперь ее голос звучал резко.

Она устала. Но уже не боялась. Просто устала. У нее болели кости, пустой живот сводило от голода, и в нем сердито и одиноко плескалась выпитая вода.

- Можешь называть меня Хёдом.

- Хёд?

Что за странное имя. Рифмуется со словом *крот*. А вдруг он сейчас возьмет и зароется обратно в землю? Она надеялась, что этого не случится. Он был ей нужен. Внезапно она поняла, что очень устала.

- Да. Хёд. Так зовет меня Арвин.

- Твой учитель?

- Да.

- Может, Арвин и меня согласится учить, – прошептала она.

Хёд нахмурился, явно не понимая.

- Но... ты ведь видишь, – запинаясь, спросил он. – Правда?

- Да. Но я не умею жить самостоятельно.

Его лицо разгладилось. Он все понял.

- Я очень устала, Хёд, – сказала она. – Я хочу есть. И мне... нужна твоя помощь.

* * *

Он привел ее к пещере, вход в которую напоминал высеченную из камня, разинутую в широком зевке китовую пасть. Безо всяких колебаний он сразу вошел в пещеру, и тьма почти мгновенно поглотила его целиком.

- Тут слишком темно! – крикнула она, не желая идти следом за ним.

Он сразу же отозвался:

- Мне свет не нужен... но я разведу огонь, а ты пока отдохни здесь, у входа.

Она послушно села на землю и попыталась осмотреться, понять, где он, но в пещере стояла непроглядная тьма. Она устало ждала. Охватившая ее тревога рассеялась, когда из глубин пещеры донеслись какие-то звуки.

Спустя несколько мгновений в темноте расцвели два огонька – высоко на стене запылал факел, а в яме в глубине пещеры разгорелся костер. Хёд стоял прямо под факелом, отставив свой посох, и звал ее по имени.

- Гисла, света достаточно?

- Да.

- Тогда входи. Я тебя накормлю.

Пещера оказалась большой – размером с дом, в котором она жила со своей семьей. Или даже больше – если туннели, уходившие в разные стороны, вели в другие помещения. Но сегодня она не станет ничего здесь обследовать. Стены и пол были покрыты шкурами, по сторонам тут и там висели полки, заставленные корзинами и склянками. Она еще никогда не бывала в такой пещере. У одной из стен стоял стол с резными ножками, возле него – четыре

стула. На другом столе, длинном и узком, лежали свечи и разные мелочи, а на третьем не было ничего, кроме аккуратно разложенных в ряд ножей.

– Садись к столу, – велел Хёд. – Я быстро.

Он достал завернутое в вошеную кожу мясо, отрезал толстый ломоть хлеба от замотанной в тряпку буханки. Поставил на стол перед ней сыр, вино и мед, выдвинул другой стул и сел сам.

– Прошу, ешь, – сказал он, и она накинулась на его щедрые дары.

Проглотив больше, чем ей полагалось, – половину мяса и больше половины хлеба, – она наконец ненадолго остановилась и принялась рассматривать юношу, сидевшего напротив нее. Его манеры отличались от манер ее братьев. Он ел неспешно и аккуратно, прижимая локти к бокам. И жевал с закрытым ртом.

Она запоздало припомнила, что он ничего не видел... но не был глухим и наверняка слышал все те довольные звуки, которые она издавала во время еды. Она прикрыла рот рукой, приглушая неделикатную отрыжку, и отставила в сторону пустой кубок. Не глядя в его сторону, она ждала, пока он доест. Похоже, он чувствовал, когда она его разглядывала.

Ее глаза уже привыкли к полутьме пещеры, и она различила за округлым сводом справа от себя что-то вроде спальни: под огромной кучей шкур виднелся толстый, плотный с виду матрас на деревянной опоре, сверху на шкурах громоздилась пирамида одетых в шелк подушек.

– Можно мне там поспать? – прошептала она, уверенная, что Хёд поймет, о чем она говорит.

– Нет. Арвину это не понравится, – сказал Хёд. – Но не переживай, я приготовлю тебе гнездо у огня.

– Гнездо? – Слово напомнило ей о крысах, живших в корабельном трюме. Ей не хотелось спать в гнезде.

– Так говорит Арвин, когда я устраиваюсь перед сном. Мне нравится спать в тесноте. Иначе мне кажется, будто я куда-то плыву.

– Ты что, тоже будешь спать у огня? – Она не понимала, сможет ли спать в его присутствии. И не понимала, сможет ли спать одна.

– Мне сейчас спать не хочется... но у меня есть своя комната. Я буду недалеко.

Он выставил камни в небольшой круг и положил в центр стопку шкур, в высоту доходившую ей почти до коленей. Накрыв шкуры шерстяным одеялом, от которого пахло удивительно свежо – кедром и морским воздухом, – и предложил ей лечь.

Она не стала спрашивать ни про круг, ни про знаки, которые он начертил на камнях обгоревшим концом посоха. То был просто круг, рассеченный надвое изображением стрелы. Ее это не беспокоило, наоборот, она чувствовала себя в безопасности. Она шепотом поблагодарила его, закрыла глаза и мгновенно уснула.

Долго, очень долго плыла она по волнам океана, но на этот раз вода не была холодной. Океан нес ее обратно домой, в прежние времена, к людям, которые жили теперь лишь в ее снах.

* * *

Ее мучила жажда. Ужасная жажда. Ее рот был кратером, полным пыли, и она кашляла, пытаясь наполнить легкие воздухом. Язык – твердый, сухой, совсем бесполезный – болтался где-то в глубине горла. Она перекатилась на бок и снова раскашлялась, задыхаясь, а язык вывалился у нее из рта и упал на подушку. Но все-таки она могла дышать. Хотя бы дышать. Так что она благодарно втягивала воздух, не открывая глаз, собираясь с силами, чтобы сдвинуться с места. Ей нужно было попить. Еще вчера вечером Гилли принес воды из источника и наполнил чашку возле ее кровати. А может, это было позавчера. Она никак не могла вспомнить.

– Эта жива. Что с ней делать? – Голос был напуганным и звучал приглушенно, словно говоривший прикрывал рот ладонью.

– Не трогай ее. Ничего не трогай. Она скоро умрет.

Они что, говорят о ней?

Голоса удалились, и Гисла с трудом открыла глаза.

– Мама? – прошептала она, но вместо слова раздался лишь стон. А потом она вспомнила.

Мать была больна. И отец, И Педер, и Моргана, и Абнер. Теперь она вспомнила. Им всем было так плохо. Но вот Гилли... Гилли не болел. Гилли принес ей воды.

Она попыталась назвать его по имени, но тяжёлый язык лишь непослушно ворочался во рту. Она села, покачиваясь под весом собственной головы, чувствуя, как нехотя разгибаются руки и ноги. В чашке была вода, и она принялась жадно пить, но чашка дрожала у нее в руках, и вода переливалась через край, выплескивалась ей на рубашку. Вода была теплой и странной на вкус – словно стояла в чашке уже очень давно.

Кто-то развел огонь. Он грел ей спину. Легкие заполнялись дымом. Дрова были слишком влажные. Она чувствовала это по запаху.

– Гилли? – Рядом с кроватью она заметила его сапоги. Так он и спал здесь ночи напролет.

Собрав все силы, она поднялась, хотя ноги ее не слушались. Он пытался заботиться обо всех них. Бедный Гилли. Она подаст ему свою чашку.

Он натянул одеяло себе на плечи и сунул под голову подушку. Но он не спал. Он смотрел на нее пустыми, стеклянными глазами, не отвечал ей, не видел, не двигался. Ему на глаз села муха, но он даже не моргнул.

Огонь выскочил из печи. Теперь он карабкался по стене, разделявшей комнаты.

– Гилли... надо уходить, – прошептала она.

У него на лице теперь сидели две мухи, но дым быстро заполнял комнату, и мухи взлетели, рванулись к открытой двери.

Она взялась за сапоги Гилли и потянула их на себя, собираясь вытащить брата из дома. Сапоги снялись с мокрым хлопом, и она не удержалась, рухнула на пол, так и не выпустив их из рук. Наверное, она вскрикнула, но огонь уже закружился вокруг нее, заскакал, зашипел, и она уставилась на потолок, ожидая, когда он ее сожрет. Внезапно рядом с ней оказался какой-то человек. Он поднял ее и вытащил из комнаты.

Он усадил ее у колодца, а сапоги Гилли забрал и бросил обратно в огонь – словно пожертвовал их зверю, пожравшему ее дом. В оранжевом свете убывавшего дня мелькали другие люди, тоже солдаты. Ее мать больше всего любила красное закатное небо. Но сейчас небо алело не из-за солнца. Оно алело потому, что солдаты пришли и сожгли их деревню. Дома и поля, амбары и телеги. Животных. Людей. Тела сложили грудями, друг на друга, – погребальный костер из костей и плоти. Они тоже должны были достаться огню.

Гисла поднялась на ноги, закашлялась, застонала, двинулась было обратно к дому, но ноги отказались ее нести, и она снова упала. Нос ей щекотала длинная травинка, но у нее не было сил ни отползти, ни даже открыть глаза.

Голоса вернулись, и она молча взмолилась о том, чтобы солдаты ее не пощадили, чтобы смерть была быстрой. Ей не хотелось гореть, но и жить не хотелось. Быть может, они бросят ее в колодец, дадут утонуть в холодной тьме.

– Заберем ее, Гудрун? Вдруг выживет.

– Оставь ее здесь. Может, и выживет. Но к себе на землю я ее не возьму. Не надо было тебе ее касаться.

– Я сожгу всю свою одежду.

– Мы все сожжем одежду. А потом станем молить богов о том, чтобы нас не постигло то же самое.

– Если она выживет, то будет единственной, – буркнул другой голос. – Единственной из деревни. Все Сонгры мертвы.

* * *

– Гисла.

Ее имя прозвучало где-то вдали. Она не ответила. Она готовилась сгореть с остальными. Ей даже не было страшно. Правда, ей будет не хватать гнезда, которое соорудил для нее Хёд.

Хёд. Это он ее окликнул. Вынырнув из глубин сна, она вспомнила. Она не дома. И никогда не окажется дома. Ее дома больше нет.

– Гисла.

Теперь он был ближе... А может, она. Она, сама того не желая, продиралась сквозь слои сна, выныривала на поверхность моря, к склонившемуся над ней юноше.

– Гисла, сейчас ты должна проснуться.

Она почувствовала, как он положил ладонь ей на лоб, как прикоснулся к ее губам кончиками пальцев, словно проверяя, дышит ли она. Она не умерла. К несчастью, не умерла.

– Гисла, ты должна проснуться, – повторил он. – Губы у тебя сухие, а кожа слишком горячая. Тебе нужно есть и пить. Гисла...

Устало приподняв руку, она отмахнулась от своего имени. Ей не хотелось просыпаться. Не хотелось ни пить, ни есть. Внезапно она снова поплыла прочь и дернулась от испуга, но сил отбиваться не было, а истомленные веки никак не хотели открываться. Что-то уперлось ей в живот, и она хоть и не сразу, но поняла, что он несет ее на плече. Хёд. Хёдокрот, Хёд, слепой юноша, нес ее на плече. Она с трудом разлепила глаза и увидела, как внизу, под ней, покачивается земля.

– Ты слеп, – прохрипела она.

– Да. А ты больна. А еще ты очень легкая. Тут мне повезло. Я никогда еще никого не носил на руках.

Она висела у него на плече, словно ягненок. Правой рукой он придерживал ее ноги, в левой крепко держал свой посох.

– Еще светло... Почему ты не дал мне поспать подольше? – простонала она.

– Ты спала два дня подряд. Я использовал руну, чтобы тебя разбудить.

– Руну?

Ничего не ответив, он осторожно опустил ее в ручей, к которому прежде приводил напиться. Она ахнула, когда ее со всех сторон окружил холодный поток, но Хёд подложил ладонь ей под голову, чтобы лицо оставалось над водой. В этом месте ручей был неглубоким. Она чувствовала, как камни уперлись ей в лопатки и в поясницу. Ноги словно плыли по течению, но она понимала, что вода ее не унесет.

– Разве т-ты не м-мог просто п-п-принести мне в-воды? – спросила она, стуча зубами. – З-зачем было класть меня в ручей?

– Нужно охладить тебе кожу. Тебе нужно попить... и помыться. Так мне было проще сделать все сразу.

– Мне не нужно мыться.

Но ей и правда нужно было облегчиться. Она больше не могла терпеть, но, хотя вода унесла бы все с собой, она не могла решиться на столь интимное дело у него прямо под носом.

– Отойди, – велела она. – Я не все могу делать при тебе.

– Но я тебя не вижу, – напомнил он.

– Зато хорошо чувствуешь запахи, – буркнула она.

Он удивленно вскинул брови и сморщил нос. Она вдруг сообразила, что он мог подумать, но было уже слишком поздно.

– Я не о том, – сказала она. – Мне просто нужно избавиться от излишков воды.

Он осторожно усадил ее в ручье, выпрямился и нерешительно выпустил ее из рук. Она покачнулась и ударилась головой о его колено. Он чуть подождал, словно не доверяя ручью или ей самой, но она хлопнула его по ноге.

– Иди.

– Тебе явно гораздо лучше, – заметил он и наконец сделал то, о чем она просила, – двинулся вниз по течению в поисках ужина.

Пока она собиралась с силами, чтобы не просто сидеть в ручье, но делать еще хоть что-то, он уже успел поймать двух блестящих, серебристых рыбок.

– На камне у твоей головы моя фляга. И мыло, если тебе оно нужно! – крикнул он ей спустя несколько минут.

Она пробормотала себе под нос что-то насчет того, как он «слушает и никуда не уходит», но все же воспользовалась и тем и другим.

– Неужели у всех девочек такой скверный характер? – крикнул он, не услышав ее ответа.

– Неужели у всех слепцов такой острый нюх? – завопила она.

– Я не знаю других слепцов. Но ничего не могу поделать с тем, что слышу и чую запахи острее, чем другие люди.

– Ха. Но пахнет от тебя не лучше, чем от других. – Она соврала.

Пахло от него очень приятно. Медом, и торфом, и корой хвойных деревьев, что росли у его пещеры. От него пахло чистотой. Ей казалось странным, что человек может быть таким чистым. Это было почти так же странно, как и его имя. От ее братьев пахло совсем не приятно. Всегда. Мать вечно уговаривала их вымыться, но они никогда толком не справлялись с этой задачей. От этой мысли ей стало больно.

– У тебя изменилось дыхание. Все в порядке? – спросил он.

– Ты слышишь, как я дышу? – охнула она.

– Да... тебе все еще нехорошо?

– Я ведь сказала, Хёд, что мне нужно побыть одной, – прошептала она, но он и это услышал.

И мгновенно оказался рядом. Он опустился возле нее на колени, прижал ладони к ее щекам, проверяя, не спал ли жар.

– Я в порядке, – сказала она. – Я хорошо себя чувствую.

– Жара нет, – согласился он. – Ты закончила?

– Что... разве ты сам не знаешь? – бросила она.

– Только ты сама это знаешь, – мягко отвечал он. – Я не слышу твоих мыслей. Но хотел бы.

– Я извела все мыло, а твоя фляга пуста, – сказала она, стараясь не выдавать свое раздражение.

Душа у нее болела, но в придачу к этому по телу разливался ужас. Она больше не чувствовала усталости. Больше не могла спать дни напролет, а значит, ничто теперь не могло отвлечь ее от горькой правды. Она потерялась. Осталась одна. И ей совершенно некуда было идти.

– Ходить можешь? – спросил он, как в тот первый раз, на пляже.

– Да. – Но она даже не попыталась встать. – Хёд?

– Что?

– Я не хотела просыпаться. Я хотела бы снова заснуть.

– Знаю... но птенцу нужно вылететь из гнезда.

– Зачем? – выдохнула она.

– Чтобы есть. Жить. Учиться.

– Я не хочу жить. Ты сказал, что использовал руну, чтобы меня разбудить. Можешь использовать руну, чтобы навсегда меня усыпить?

С минуту он молчал.

– Я не должен был этого делать, – признался он. Его голос звучал опасно.

– Чего именно?

– Не должен был говорить тебе про руну. Я не привык следить за словами. Обычно меня никто, кроме Арвина, не слышит... а он требует, чтобы я говорил ему все. Чтобы учился управлять своими словами.

– Управлять своими словами?

– Да. И рунами. – Он поморщился. – Ну вот опять.

– Где Арвин? – Кажется, она уже спрашивала об этом.

– Он вернется. Я... буду тебе признателен, если ты не скажешь ему про руны.

– А что мне можно ему говорить? Я ничего в таких вещах не смыслю. И потом, ты мне не ответил. Ты можешь снова меня усыпить?

– Я не хочу, чтобы ты спала, – сказал он. – Я хотел бы говорить с тобой. Хотел бы снова услышать, как ты поешь.

– Я не хочу петь.

– Идем... Когда ты обсохнешь и поешь, тебе станет лучше.

Он протянул ей руку. Она взялась за нее, и он помог ей подняться. Пока она отжимала юбки, он ждал, склонив голову набок, прислушиваясь к ней. А потом повернулся, и она пошла вслед за ним.

2 стороны

Хёд чистил рыбу так умело, словно делал это уже в тысячный раз. Она предложила помочь, но он велел ей сесть, объяснив, что ему проще, когда пространство вокруг него остается свободным.

– Я знаю, что делаю... но не вижу, что делаешь *ты*. Так что сиди спокойно и не попадайся мне под руку. Можешь говорить со мной. Я устал развлекаться лишь теми мыслями, что вечно крутятся у меня в голове.

– Мне не нравится твое имя, – выпалила она, изумив и его, и себя.

– Меня называли в честь бога.

– Какого еще бога?

– Хёда. – И он рассмеялся.

Она поморщилась:

– Не знаю я такого бога. Ты ведь шутишь? Братья всегда надо мной шутили. Рассказывали разные истории, уговаривали меня, пока я им не поверю, а потом хохотали.

– Я не шучу. Арвин мне такого не позволяет... хотя я пытался. Но у него характер почти такой же скверный, как у тебя. – Голос Хёда звучал по-доброму, на губах играла улыбка.

– Теперь ты точно смеешься надо мной.

– Нет. Просто пытаюсь смягчить горькую правду. Где твои братья? Где твоя семья? Ты говорила, что твоя мать умерла. Братья тоже умерли?

– Они все умерли. Все заболели, один за другим.

– А ты?

– Я тоже заболела. Но поправилась. А они – нет.

– Ты до сих пор еще очень слаба.

– Да. Я быстро устаю. И стала еще меньше, чем прежде.

– Как ты оказалась в море?

Ей не хотелось говорить о море или о том, что случилось. Она помотала головой, но тут же вспомнила, что он ее не видит.

– Расскажи мне про Хёда, – попросила она.

– Про меня... или про бога?

– Про обоих. Начни... с бога. Я все равно не верю, что он существует.

– Не знаю, есть ли он на самом деле... но он точно существует, – сказал Хёд.

Снова помотав головой, она почувствовала, как от его умения играть со словами у нее на губах расцветает улыбка.

– Ты знаешь Одина? – спросил он.

– Знаю.

– А Тора?

– Знаю. Когда он бьет своим молотом, мы слышим гром.

– Значит, ты знаешь и Локи.

– О нем я тоже слышала. Но Хёда не знаю.

– Хёд был сыном Одина. Но он... как и я... был слеп. – Он замолчал, но она ждала продолжения, чувствуя, что ей нравится эта история, что она в нее верит.

– У Хёда тоже было оружие? Как у Тора? – спросила она.

– Арвин говорит, что его истинным оружием было отсутствие зрения.

– Как это?

– Все его недооценивали. Не обращали на него внимания. Считали слабым... и ранимым, но Арвин верит, что наши силы и слабости суть одно. Они – две стороны одного меча.

Она ничего не поняла, но не стала спрашивать, и Хёд продолжал:

– У Одина было много сыновей. Имя одного из них носит Сейлок, наша земля. Если хочешь, я расскажу тебе и о нем.

– О нем я тоже не слыхала.

– Кого-то из них знают лучше, кого-то хуже, а кого-то и вовсе не знают. Кого-то из них любят, а кого-то ненавидят. Больше всех любили Бальдра. Его собственная мать любила его так сильно, что убедила все живое не причинять ему вреда. Единственным растением, с которого она забыла взять такую клятву, была омела. Даже норны взирали на Бальдра с любовью и предупреждали его, когда кто-то думал ему навредить. Другой сын Одина, Локи, злился из-за того, что Бальдра так сильно любили, а его просто терпели. Ему тоже хотелось любви, но вместо того, чтобы стараться заслужить любовь и уважение Одина, он целыми днями раздумывал, как уничтожить Бальдра. Локи подсылал к брату соблазнительниц, губы которых были обмазаны соком ягод омелы, и воинов с оружием, вырезанным из ее ветвей. Но его козни не имели успеха, ведь Бальдр заранее знал о намерениях его посланников. Тогда Локи отправился к самим норнам, жившим среди корней дерева жизни, Иггдрасиля, но те стали над ним смеяться. «Ты не можешь убить его, Локи», – хохотали они.

Хёд так правдоподобно изобразил злобный старушечий хохот, что Гисла прыснула. Он был прекрасным рассказчиком.

– Тогда Локи спросил: «Кто, если не я?» Но норны не знали. Они сказали ему: «Мы видим лишь то, что можно увидеть». Локи счел их ответ очень странным и ушел, раздумывая над этой загадкой. Он бился над ней, пока однажды не встретил в лесу Хёда. Тот охотился, стреляя по дичи из лука. Локи заметил, что Хёд прислушивается к добыче, но не видит, как летят его стрелы... или как они попадают в цель. Тогда-то Локи и понял, что сумел наконец разгадать загадку норн.

– Слепой бог... охотился? – Гисле не верилось, что такое возможно.

– Я охочусь. И ловлю рыбу. Я много чего умею делать, – сказал Хёд, нарежая пойманную им рыбу на куски и раскладывая их на решетке над пылавшими углями.

– И что тогда сделал Локи? – смущенно спросила она.

– Бальдра мог убить только бог... лишь другой бог мог приблизиться к нему.

– Но зачем Хёду было убивать Бальдра? Он что, тоже ему завидовал? – снова перебила она.

– Нет. Но Локи решил перехитрить Хёда. Он понял, что норны ни о чем не узнают, если Хёд не будет понимать, что делает.

– Значит, норны не могли увидеть то, чего не видел Хёд? – переспросила она, пытаясь понять.

– Да. Хёд не собирался убивать брата... и не узнал бы о том, что убил его... а значит, норны не сумели бы это предсказать и предупредить Бальдра.

– Мы видим лишь то, что можно увидеть, – повторила она и поежилась. – Не нравятся мне эти норны.

– Локи с Хёдом отправились на охоту. Локи велел Хёду стрелять. Хёд был уверен, что целится в зверя. Он выстрелил стрелой Локи, которую тот вырезал из омелы, и попал брату прямо в сердце. Возлюбленный Бальдр погиб от руки слепца.

Гисла охнула. Она не ждала такой внезапной и трагической развязки.

– Бедный Хёд, – прошептала она. – Как жестоко обошелся с ним Локи.

– Да... После этого Локи навечно приковали к скале. Над головой у него висала ядовитая змея, и яд из ее пасти капал ему прямо в глаза. Вот история моего имени, – окончил свой рассказ Хёд.

Он бросил в огонь рыбью требуху и обмыл руки и нож в небольшом углублении в камне, постоянно наполнявшемся свежей водой. Углубление было небольшим, размером со

щит взрослого воина, – поместиться в него целиком мог бы лишь младенец, – и все же здесь, в пещере, среди скал и камней, это казалось большой роскошью.

– Что стало с Хёдом после того, как он убил Бальдра? – спросила она, когда он снова сел рядом с ней перед жаровней.

– Отец прогнал его, и небеса оплакивали потерю сразу двух сыновей Одина, Бальдра и Хёда. Двух неразрывно связанных друг с другом богов.

Он начертил в пыли рисунок – два полукруга спиной к спине, один развернут влево, другой вправо. Стрела, пересекавшая первый полукруг, вонзалась во второй со спины.

– Ты узнала историю слепого бога Хёда. Вот его руна, – и он постучал по рисунку. – Тебе понравилась его история?

Она нахмурилась.

– Почему Арвин называл тебя Хёдом? – Теперь это казалось ей почти жестоким.

– Он сказал, что мне нужно учиться на этом примере.

– М-м. Но почему имя тебе дал Арвин... а не родители?

– Думаю, прежде у меня было другое имя. Но я его не помню. Я живу с Арвином с раннего детства.

– И все это время ты жил здесь... в этой пещере?

– Арвин – хранитель пещеры. В каждом клане есть свой хранитель пещер.

– Не знала я, что пещерам нужны хранители, – неуверенно сказала она, хотя эта пещера ей очень нравилась.

– Только некоторым.

– Мне кажется, что ты опять все выдумываешь, – сказала она.

– Нет, – ответил он. – Это правда.

– Что ж... мне понравилась история бога Хёда... но его имя мне все равно не нравится.

Он пожал плечами:

– Это всего лишь имя. Оно мало что значит. Кто дал тебе имя?

– «Гисла» значит *обещание*. Священная клятва. Но мать с отцом никогда не говорили мне, почему выбрали это имя. А свое обещание они точно не выполнили.

– Что за обещание?

– Они меня бросили.

– Но ведь не по своей воле, – мягко возразил он.

– Значит, не нужно было мне клясться, что все будет хорошо. – От внезапной вспышки гнева ей стало легче.

Гнев выжег цепкую, хваткую, испепеляющую грусть, а она продолжала думать о том, как несправедливо обошлись с ней родные. Быть может, ей было бы не так больно, если бы она ненавидела свою семью.

– Это всего лишь имя, – мягко повторил он, чуть ли не защищая их, и ее гнев мгновенно обратился против него.

Он вздохнул, словно почувствовав, как его обжег жар ее гнева, и не сказал больше ни слова. Они сидели в молчании, ожидая, пока приготовится ужин. Когда они поели, он вымыл тарелки, вытер их досуха, аккуратно поставил на полку и разлил по чашкам горячий чай. Только тогда он снова заговорил.

– Там, откуда ты родом, поклоняются Одину? – спросил он, уводя ее в иные, куда более прохладные воды. Она окунулась в них с головой, дождалась, пока они остудят снедавший ее гнев.

– Северные земли очень обширны, – ответила она. – Я не могу отвечать за всех, кто их населяет. Я из Тонлиса. Мы поем ему песни... ему и Фрейе... а еще звездам, и земле, и камням, и растениям. У нас есть песни на все случаи жизни.

– Так ты из Сонгров, – сказал он, и в его голосе зазвучало восхищение. – Я слышал предания о Сонграх.

– Правда?

– Арвин говорит, Сонгры поют руны.

– Я не знаю рун, – нахмурившись, возразила она.

– Да... Их знают немногие. Зато ты знаешь песни.

– Я знаю много песен.

– Можешь мне что-нибудь спеть? Пожалуйста, – настойчиво попросил он.

– Я сейчас не хочу петь. И не знаю, захочу ли когда-нибудь.

– Но... почему? – В его голосе слышалась мягкая мольба, и она чуть было не уступила.

– Слишком больно, – выдохнула она.

– Горлу больно?

– Сердцу.

Он помолчал, и она решила было, что он смирился с ее отказом.

– Арвин говорит, если сумеешь постичь боль, она станет силой, – сказал он.

– Не нравится мне твой Арвин.

Хёд прыснул, и капельки горячего чая, который он только что отхлебнул, полетели у него изо рта в разные стороны.

– Мне вообще кажется, что его не существует. Думаю, он как тот слепой бог, – прибавила она, чтобы его раздражить.

– Ты думаешь, *Арвина* не существует?

– Но ведь ты его никогда не видел? – парировала она.

Он снова рассмеялся:

– Ты очень умна! А еще ты сейчас улыбаешься. Я это слышу.

Она *и правда* улыбалась. Ну и ну.

– Почему у тебя нет волос? – спросила она, решив поговорить о чем-нибудь другом.

– У меня есть волосы. – Он провел ладонью по своим коротким волосам. – Просто мне нравится, когда они коротко острижены. Волосы удерживают запах. Я не хочу чувствовать собственный запах. А еще волосы привлекают разных ползучих существ.

Гисла тут же принялась чесать себе голову и поморщилась, потому что он расплылся в широкой улыбке, как будто она подтвердила его слова. У этого юноши не было глаз, но он слышал каждое ее движение.

– У меня в волосах нет ползучих существ, – возразила она, но от одной только мысли об этом ей захотелось хорошенько встряхнуть головой, впиться в кожу ногтями.

– Иди сюда. – Он похлопал по земле рядом с собой. – Я тебе помогу.

Она в нерешительности помедлила, но потом подчинилась и села ближе к нему. Приподняв ее волосы, он разделил их на части, перебрал тяжелые, спутанные пряди вперед, ей на плечи, так что обнажился затылок.

– Что ты делаешь?

Она попыталась обернуться, взглянуть назад через плечо, но он развернул ее голову так, чтобы она смотрела вперед, сквозь завесу волос, свисавших по обеим сторонам ее лица.

– Не двигайся. – Он провел чем-то острым по ее шее. Было щекотно... и немного больно. Потом приложил к ее шее что-то влажное и теплое, растер большим пальцем.

– Ты рисуешь у меня на шее? Это что, руна? – спросила она.

– Вот, – сказал он.

Что-то пробежало по коже, и она хлопнула себя по лбу: у брови обнаружился какой-то жучок. Еще один жучок свалился ей на колени, неистово дрыгая ножками, но сумел быстро перевернуться и улетел.

– Фу! – взвизгнула Гисла.

По ладоням у нее проползли еще два насекомых и паук на тонких ножках. Пискнув, она отшвырнула их от себя.

– Что ты сделал?

– Это не навсегда, но сейчас твои волосы принадлежат лишь тебе. Мне нечем распутать их... но я могу расчесать их пальцами и заплести. Как веревку. Руки у меня очень ловкие, – прибавил он.

Она могла расчесаться сама. Могла сама заплести себе косы. Но внезапно ей захотелось, чтобы это сделал кто-то другой. Захотелось почувствовать, как ее волос кто-то касается. Сестра часто расчесывала ей волосы. И она тоже часто расчесывала волосы своей сестре.

– Ладно, – согласилась она.

Хёд осторожно коснулся ее волос. Он начал с кончиков и двигался все выше, к корням. Ногти у него были короткими, а терпение – безграничным. Пока он возился с ее волосами, у нее стали слипаться глаза.

– Ты гнешься, словно тетива от лука, – сказал он.

– Мне снова хочется спать. – Но теперь глаза у нее слипались не от усталости, а от неги. Как же она соскучилась по мягким и нежным прикосновениям.

– Получилось не так хорошо и плотно, как когда я плету корзины, – сказал он, закончив, – но я не хотел причинить тебе боль. Для начала пусть будет так.

– Спасибо. – Она отодвинулась, но чувствовала, что теперь обязана сделать что-нибудь для него. Ее приучили отвечать добром на добро: за услугу всегда платят услугой. – Пожалуй, я могу для тебя спеть, – сказала она. – Одну песню.

– Мне бы этого очень хотелось.

Она раскрыла рот, но сразу его закрыла. Она не знала, что ему спеть. Все песни, которые она хранила в уме и на сердце, были о доме и о семье. Мысли путались, и единственной песней, которую она сумела вспомнить, оказалась шутивая песенка про крота, которую вечно распевал Гилли. *Льется песня моя, словно мёд, на свете жил-был слепой крот*. Слова этой песенки крутились у нее в голове с тех пор, как ей встретился Хёд. Ведь *Хёд* и *крот* рифмуются.

И она, не задумываясь, запела, прямо на ходу меняя слова песенки.

На свете жил парень Хёд.
Не видел ничего, словно крот.
Он ползал и бегал,
Таился от мира,
Но все же попал в переплет.

Хёд нахмурился и поджал губы. Гисле стало нестерпимо стыдно. Песня получилась жестокой. Она хотела его рассмешить, но теперь ему было не до смеха.

– Я похож на крота? – спросил он.

– Нет! Совсем нет.

– Мне тоже так не кажется. Однажды я держал в руках крота. У него такие нелепые лапы... мне он казался довольно противным.

– Мне кроты нравятся, – робко сказала Гисла, стараясь исправить свою ошибку.

– Ты сама сочинила эту песенку? – спросил он. – Прямо сейчас? – Голос у Хёда был спокойным и любопытным. Казалось, он не обиделся.

– Нет. Это глупая песенка, которую вечно горланил мой брат. Гилли всегда придумывал песни про разные глупости. Про самые обычные вещи.

– Но он явно не был знаком с парнем по имени Хёд.

– Нет, – подтвердила она. И спела ему песенку, которую придумал Гилли, но на этот раз не стала менять слова:

Льется песня моя, словно мед:
На свете жил-был слепой крот,
Он ползал и бегал,
Таился от мира,
Но все же попал в переплет.

– И правда, смешная песня. И глупая, – с улыбкой сказал Хёд. – Спой мне еще. Спой ту песню, которую ты пела в море.

– Я тогда пела много песен, – прошептала она.

Вот он и вернулся обратно, к своему первому вопросу.

– Почему?

– Я хотела, чтобы моя семья меня услышала. Чтобы меня услышал Всеотец Один... и забрал меня к ним.

– Ты пела его имя... имя Одина. Я это слышал. Эту песню поют хранители в храме.

– Отец Один, ты все видишь, – пропела она, понимая, о какой песне он говорит. Он согласно кивнул, и она продолжила: – Отец Один, ты все видишь. Видишь, я здесь, под тобою? Забери меня на гору, где живут лишь храбрецы.

– Та самая песня. Спой еще раз, – прошептал он.

Она спела еще раз, прибавляя новые куплеты, вновь и вновь умоляя Одина. Она не боялась смерти, потому что знала: смерть не придет. Такова суть страха. Страх взывает к судьбе, и та всегда ему отвечает.

Она допела, но отзвуки ее песни эхом отражались от стен пещеры. Взглянув на Хёда, она увидела, что он сидит с совершенно прямой спиной, закрыв свои странные глаза.

– Хёд? – изумленно позвала она, а потом потянулась к нему, взяла за руку. – Это песня о смерти. Не надо было мне ее петь, – сокрушенно сказала она. – Быть может, ты веришь в такие вещи. Я не хотела тебя пугать.

Он сжал ее ладонь в своей:

– Я не испугался... но я увидел гору. Твой голос рисует у меня в голове разные картины. В ночь, когда был шторм, я решил, что твой голос – дар от самого Одина. Тогда я всю ночь напролет слушал твоё пение. Но не видел картин. Не видел... цветов. Это... потрясающе.

– Мой голос рисует картины? – ахнула она.

Никогда прежде она не слышала ничего подобного. Но... она никогда еще не пела слепцу.

– Спой еще, – попросил он, не выпуская ее руки.

Она спела ему песнь урожая – золотые яблоки, красное вино, синее небо, яркие оранжевые сполохи костра, вокруг которого все танцуют. Она пела, а Хёд все сильнее сжимал ее ладонь обеими руками, словно боясь, что она вырвется... или сбежит от него. По его лицу разливался восторг, свет от огня плясал в затаенных туманом глазах.

– Я не знаю, как они называются. Цвета... я вижу их у себя в голове... но не знаю названий. Споешь мне еще? Я хочу снова их увидеть.

Как могла она отказать? Она снова спела ему ту же песню, с самого начала.

– Золотые яблоки, – восхитился он. – Что значит золотые? Что еще золотое?

Она задумалась.

– Мои волосы. Они тоже золотые.

Он коснулся ее волос, помял в пальцах прядь, сосредоточенно хмурия брови, словно запоминая.

– А глаза? Какого цвета твои глаза? – спросил он.

– Синие. Как небо из песни.

– Синие, как небо, – повторил он. – Какой прекрасный цвет – синий.

– Да, прекрасный. Порой море бывает синим, как небо. Но оно меняет цвет. Порой оно становится зеленоватым, подергивается дымкой... как *твои* глаза.

– У меня глаза цвета моря?

– Да. Я никогда прежде не видела таких глаз.

– Ты знаешь песню о море? – с надеждой спросил он. – Мне бы так хотелось его увидеть.

Она задумалась, но песня пришла ей на ум легко, мелодия покатилась вперед, словно волны, и в ней отразились и серые тучи, и багровые склоны гор. Пока она пела, Хёд сидел перед ней, скрестив ноги, не шевелясь, как каменный. Двигались лишь его руки. Она не просила его выпустить ее ладонь. Он так сильно сжимал ей пальцы, что боль отвлекала ее от тоски, что внушали ей песни. А еще ее отвлекало его восхищение.

– Прошу, продолжай, – взмолился он, когда песня закончилась.

И она продолжала. Она пела все, что приходило ей в голову, как в ту ночь, когда шторм носил ее по волнам. Отчего не спеть, если спать ей не хочется.

Спустя много часов она улеглась в гнезде, которое он для нее устроил. Хёд так и остался сидеть у огня, скрестив ноги. Казалось, что он – пусть ненадолго – насытился. Она спела ему все песни, которые только сумела вспомнить.

– Спокойной ночи, Хёд, – прошептала она, но он ничего не ответил. Он словно вообще не услышал.

Когда встало солнце, оно залило своим светом пещеру от самого входа до первого поворота. Через несколько минут свет сдвинулся с места и отступил, но все же его хватило, чтобы ее разбудить. Она застонала: лежать было неудобно, очень хотелось пить. Все тело болело, словно она переплыла целое море, а не просто качалась на волнах, уцепившись за бочку. Она заметила у себя на коже следы от пальцев Хёда. Наверное, эти синяки появились, пока она вчера пела. Следы были темно-фиолетовыми – того же цвета, что круги под глазами у Хёда, сидевшего в прежней позе – как и вчера вечером, когда она легла.

– Ты что, не спал? – сонно спросила она и села в своем кольце из камней. Он дернулся и сдвинулся с места: на этот раз он ее услышал.

– Нет. У меня в голове роились мириады мыслей.

Он не попросил ее снова спеть, не потянулся к ее руке, но пальцы у него дрожали так, словно ему и правда этого хотелось. Он забыл посох – когда они вышли из пещеры, он замер, словно что-то его напугало. Он ступал так же уверенно, как и она накануне, – нет, даже *более* уверенно. И все же он постоял, глубоко вздохнул и вернулся обратно в пещеру, взял посох и только после этого повел ее к ручью.

– Ты сказала, что волосы у тебя золотые, а глаза синие. Я знаю, что ты маленького роста, что ты была больна – кости у тебя хрупкие, а кожа мягкая. Ты колюча, как роза. Лепестки и шипы... с особенным запахом.

– Невежливо говорить человеку, что от него пахнет. – Она шутила над ним. А он все время был с ней вежлив и добр.

– А разве вежливо называть человека слепым кротом? – спросил он мягко. – Я не говорю, что от тебя плохо пахнет... это уже не так. Я сказал, что у тебя особенный запах.

– Что это значит?

– У каждого живого существа есть свой запах. У кого-то он сильнее, у кого-то слабее, но его невозможно скрыть. Я редко встречаю людей и потому не умею по запаху определять, откуда они родом, но думаю, что мог бы применить свои знания о флоре и фауне, чтобы понять, где они родились. Я бывал во всех землях кланов – в Берне, в Лиоке, в Адьяре, в Эббе, в Йоране и даже в Долфисе. Правда, в Адьяре и Лиоке я бывал чаще. Они ближе всего. Каждая земля, каждый народ пахнут по-своему. Запах меняется от пределов к пределам, какие-то ноты стираются, а какие-то становятся сильнее.

– А чем пахну я?

– Ты пахнешь зерном, травой и ягодным соком, но сильнее всего запах истлевшей ткани. Это *и была* ткань... скорее даже лохмотья. Но ей больше нечего было надеть.

– От тебя пахнет чистотой, – сказала она.

– Я не терплю запах собственной кожи, пропахшей потом одежды, запах грязи или нечистот, прилипших к моим башмакам, – сказал Хёд. – Эти запахи... меня ослепляют... отвлекают от всех прочих запахов. Поэтому я всегда чист. Так для меня безопаснее. Мы подберем тебе другую одежду.

Он сказал это так, словно рассчитывал, что она останется, и ком, стоявший в груди у Гислы, рассыпался в пыль.

– Твоя семья возделывала землю и сеяла семена? – спросил он.

– Да. А что?

– Еще от тебя пахнет землей.

– Там я и хочу быть.

– В земле?

– Да. В ней лежит моя семья.

– Ты сегодня невесела, – вздохнул он.

– Я и не пыталась быть веселой. Тут нет ничего веселого.

– Ты уверена в том, что ты ребенок? Говоришь ты как старая женщина. Не как ребенок... я никогда еще не встречал таких детей, как ты. И поешь ты не как ребенок. Может, ты и правда старая женщина. Старая ведьма, принявшая обличье ребенка, чтобы меня обдурить. – Он нахмурился, но голос у него был спокойным и веселым, словно он и правда шутил. – Тебя подослал Арвин? Это что, очередная проверка?

– И как же я тебя проверяю?

– Ты дала мне картины... и теперь мне хочется лишь одного – смотреть. И уши, и нос у меня отказываются работать как прежде. Я словно оказался в глубоком колодце, совсем один. – Теперь он уже не шутил.

– Я больше не буду тебе петь, – пообещала она.

– Но я хочу, чтобы ты мне пела, – прошептал он.

Эти слова прозвучали так печально, что у нее зашипало глаза от слёз. А она-то думала, что слёз не осталось.

– Быть может, их было слишком много. Слишком много песен за раз, – сказала она.

– Быть может.

– Тебе стало грустно от моих песен, – сказала она. – Мне от них тоже грустно.

– Нет. Мне от них не грустно. От них мне... все становится ясно. И я хочу видеть.

– А раньше тебе хотелось видеть?

– Я не тосковал по тому, чего никогда не имел. А теперь я *знаю*, чего лишен.

– Это как иметь семью... а потом ее лишиться. Думаю, мне тоже было бы легче, если бы у меня вообще не было семьи.

– Как их звали?

– Мою мать звали Астрид. Отца – Вилемом. Сестру – Морганой. Она была самая старшая. Еще были братья, Абнер и Гилбраиг.

– Они были старше, чем ты?

– Я самая младшая. Была самой младшей... Абнер был уже мужчиной... Отец всегда обращался с ним как со взрослым. Гилли был твой ровесник. Но ростом пониже.

– Твой народ медленно растет, – сказал он, вспомнив ее слова.

– Да. – А теперь ее народ вообще не растет.

– Что значит Гилли? – спросил он, когда она надолго замолчала. – Гилли и есть Гилбраиг?

– Я не могла звать его Гилбраигом. Это имя ему не шло. Я звала его Гилли, а он меня – Гисси.

– У вас так меняют имена в знак привязанности? – спросил он.

– Да. Думаю, да.

– Тогда... можешь называть меня Хёди?

– Хёди?

– Да. В знак... привязанности.

– Все равно это ужасное имя.

– Это просто имя, – парировал он, повторяя сказанное накануне. – Оно мало что значит. –

Но для него оно явно что-то значило.

– Будь по-твоему, Хёди.

3 руны

– Вот пара штанов и блуза, они мне уже малы. Сильно поношенные, но чистые. Не знаю, подойдут ли они тебе. Но у меня есть кусок веревки, можешь взять вместо пояса.

Он протянул ей одежду, и она ее взяла. Он так и стоял перед ней, ожидая, пока она ее примерит.

– Уйди, – потребовала она.

– Я тебя не вижу, – нетерпеливо напомнил он. – Я лишь хочу узнать, подойдет ли тебе одежда.

– Мне кажется, ты меня видишь.

– Нет, – твердо повторил он и нахмурился. – Думаешь, я вру?

Она тяжело вздохнула и сдалась. Стянула с себя длинную рубаху – на деле лишь драный мешок, в котором она проделала дыру для головы, – и бросила в Хёда, стараясь попасть ему прямо в лицо. Он часто жаловался, что от нее дурно пахло, и она решила так над ним пошутить. Но он легко и ловко поймал мешок на лету и бросил в костер.

Ахнув от изумления, она недовольно фыркнула и поскорее прикрылась его старой блузой.

– Что такое? – спросил он.

– Как ты это сделал, если не видишь?

– Я тебя слышал.

Пыхтя от натуги, она натянула штаны, оказавшиеся чересчур длинными, и блузу, спадавшую с ее худеньких плеч. Она завязала узлом ворот блузы, закатала штанины и подпоясалась обрывком веревки, которую протянул ей Хёд.

– Ты слышишь, что одежда мне не впору? – удивилась она.

– Я слышу, что ты подгоняешь ее по себе.

– Если у тебя есть игла и нитки, я могу подшить штанины и заузить ворот у блузы. Правда, ты бросил в костер мою старую рубаху, так что, пока я шью, мне не во что будет одеться.

– Я тебя не вижу, – настойчиво повторил он. В его голосе явно слышалось раздражение.

Поняв, что ей удалось его рассердить, она улыбнулась.

– Да... но что, если Арвин вернется и увидит меня без одежды?

Он замер. Казалось, он совершенно забыл про Арвина. Склонив голову к плечу, он повернулся лицом ко входу в пещеру.

– В этот раз его нет гораздо дольше обычного. Быть может, с ним что-то не так.

Гисла не знала, что сказать, и потому ничего не сказала. Хёд несколько мгновений стоял неподвижно, к чему-то прислушиваясь, но потом успокоился и опустил плечи.

– Возле пещеры его нет. Лес звучит иначе, когда он в него входит.

– Как же он звучит?

– Птицы стихают. Живность, населяющая кусты и деревья, слышит его... а я слышу их. Это не новый звук, а отсутствие некоторых привычных мне звуков.

Возвращению Арвина предшествует тишина, а когда ветер дует в мою сторону, я чую его запах, хотя он еще далеко. Он никогда не возвращался так, чтобы я не знал об этом заранее.

* * *

В тот вечер, когда Гисла пела для Хёда, она не дала ему руку, признавшись, что она все еще болит. Хёд пришел в ужас от того, что причинил ей боль, и, слушая ее пение, старался держать ладони у себя на коленях. Но их связь не была столь же прочной, как накануне, а образы утратили красочность.

– Мой разум осчастливлен... и сердце тоже. Так же, как в ту ненастную ночь. Я слышу тебя – в ту ночь твой голос достиг меня, хотя море ревело и бушевало. Но я не вижу твоих песен. Не так четко. И оттого мои мысли полны моих собственных образов... вызванных твоим пением. Но теперь это уже... не твои собственные картины.

После этого она взяла обе его ладони в свои, а он заставил ее пообещать, что она скажет, если он причинит ей боль. Она пела, глядя Хёду прямо в лицо, замороженная его переживаниями. Он не закрывал глаз – нужды в этом не было, ведь его глаза не видели, зато видел разум, и она своим пением словно вкладывала в его мысли свои собственные картины.

У него появились любимые песни, песни ее народа, описывавшие мир вокруг. Но еще ему нравилось открывать для себя новое.

– Спой мне ту песню про крота... как ее пел твой брат. Когда ты впервые ее пела, я не держал тебя за руку... а еще меня здорово отвлекло, что ты сравнила с кротом меня. – Он улыбнулся, давая понять, что давно ее простил.

Она спела глупую песенку, заставляя свой разум изобразить бедного слепого зверька, который мечется от одного несчастья к другому. Но прежде чем крот окончательно сгинул, ее мысли уже умчались вдаль.

Хёд рассмеялся, запрокинув голову:

– Я увидел крота! Это было чудесно.

– Странный ты, – сказала она, но все равно рассмеялась вместе с ним, а потом спела еще одну песенку Гилли – о говорящей форели с радужной чешуей.

– В радуге много цветов, – изумился Хёд.

– Я бы спела тебе другую песню о радуге, песню, в которой образ будет лучше и ярче, но пока не могу ничего такого припомнить.

– Не думаю, что образы берутся из песен... они идут от тебя.

– Быть может, наоборот, от тебя, – предположила она. Прежде никто никогда не «видел» ее песен.

Но Хёд решительно помотал головой.

– Спой о своих родных, – попросил он. – Покажи их мне.

– Не хочу. Они только мои. – И она выпустила его ладони.

Он застыл, склонив голову вбок, словно разглядывая ее. Собственно, этим он и занимался: он все время прислушивался к ней.

– Прекрати, – буркнула она.

– Что прекратить?

– Не подглядывай.

– Я просто хотел разделить твою грусть.

– Мне грустно, лишь когда ты заставляешь меня вспоминать. Или петь, – резко бросила она.

– Тебе всегда грустно. Грусть въелась тебе в кожу, пронизала твой голос. Я слышу ее, потому что твой голос все время срывается.

– Ты знаешь меня всего три дня.

– Пять дней.

– Два из которых я проспала.

– Да... но от тебя все равно веяло грустью.

– Моя семья погибла... и мне остается лишь грустить.

– Как ты попала в море, Гисла? И как оказалась здесь? На этих берегах?

– Я пришла в прибрежную деревушку в дне пути от Тонлиса и села на корабль, – призналась она.

– Одна?

– Да. Я спряталась в трюме. Я не знала, куда шел тот корабль, но мне было все равно.

- Почему?
- Я решила, что утонуть будет приятно.
- Но ты передумала?
- Да. Я до ужаса испугалась. А Один не услышал мою смертную песнь.
- Думаю, он ее услышал. И вынес тебя сюда. На эту землю.
- Хочешь сказать, на этой земле все умирают? – ехидно спросила она, решив, что он посмеется над ее горькой шуткой.
- Сейлок умирает... но, быть может, ты сумеешь помочь нам выжить.
- Почему Сейлок умирает?
- Здесь не рождаются девочки.
- Почему?
- Мастер Айво говорит, наша земля проклята.
- Кто такой мастер Айво?
- Верховный хранитель. Он оберегает храм и руны, он – совесть Сейлока.
- Он что, король?
- Нет, короля выбирают из кланов. Рядом с храмом стоит его замок. Король управляет кланами... а хранители – королем, хотя, пожалуй, король Банрууд с этим не согласится.
- Что же, девочек совсем нет? – Она никак не могла поверить, что такое возможно.
- За двенадцать лет... родилась только принцесса. За все это время в Сейлоке не было больше ни единой дочери... Мужчины привозят дочерей из других краев... но этого мало... и кажется, нет спасения, нет руны, что сняла бы с нас это заклятие.
- У вас есть принцесса?
- Принцесса Альба, дочь короля Банрууда и королевы Аланны.
- Имя королевы ты произнес с грустью.
- Королева Аланна недавно умерла. После этого ярлов собрали на Храмовой горе. Туда-то и отправился Арвин. Я узнаю обо всем, когда он вернется.
- Арвин тоже ярл?
- Нет. – Хёд улыбнулся, словно его рассмешило ее предположение. – Арвин – хранитель, хранитель пещеры, но он обучался в храме и часто бывает там, когда его вызывают на совет.
- Какая сложная система. Хранители, короли, пещерные люди, проклятия.
- Только не называй Арвина пещерным человеком, – расхохотался Хёд. – Он тебе этого не простит. Он считает себя помазанником, могущественным хранителем и недоволен тем, что его поставили присматривать за покрытой рунами пещерой.
- В этой пещере есть руны? – с интересом переспросила Гисла.
- Да, – вздохнув, отвечал Хёд. – Об этом я тоже не стал бы говорить Арвину. Он вырежет язык нам обоим. Мне – за то, что я так открыл тебе эту тайну, а тебе – за то, что ты ее знаешь.
- Я буду молчать. Руны мне не интересны. Лучше я спрошу тебя о принцессе. – Гисла была готова говорить обо всем, кроме Тонлиса.
- Арвин считает, что Банрууд стал королем из-за Альбы. После ее рождения появилась надежда, что проклятие снято. Но с тех пор прошло уже пять лет, а других дочерей все нет.
- Значит, Сейлок... не слишком хорошее место? – Она вообще не знала, остались ли в мире хорошие места.
- Людей переполняет страх. Страх обнажает уродство. Легко быть хорошим и добрым, когда тебе это ничего не стоит. И совсем нелегко, когда за это нужно платить своей жизнью. Так что люди здесь не добры и довольно часто совсем не хороши. А ты здесь... ценнее золота.

* * *

Утром их седьмого дня вместе – после того как целых два дня они не занимались почти ничем, кроме пения, и Хёд, к его вящей радости, наслаждался всем, что «видел», – Хёд объявил, что их ждут хлопоты по хозяйству, а песни придется отложить до самого вечера. Гисла была не прочь отдохнуть. Она всюду следовала за Хёдом и, как могла, помогала ему. У него для всего имелась своя система, изумлявшая ее, и она смотрела, как он легко и сноровисто управляется с самыми разными повседневными делами. Он развесил шкуры, покрывавшие пол и стены пещеры, на натянутой между двух деревьев веревке и принялся метлой выбивать из них пыль. Она взялась было выбить шкуры, лежавшие в гнезде, которое он для нее устроил, но он был сильнее и потому лучше и быстрее выбивал пыль. Тогда она отыскала в пещере корзинку и отправилась за ягодами, решив, что он их собрать не сумеет. Но оказалось, что он и ягоды хорошо собирает: аккуратно пробегая пальцами по кустикам, он искал среди листьев шарики одного размера. В конце концов он набрал почти столько же ягод, сколько она.

Днем он расставил в лесу капканы, наколот дров для костра и вскарабкался на исполинское дерево, чтобы достать меду. Он не боялся ни высоты, ни пчел, живших в спрятавшемся среди веток улье. Когда он начал спускаться вниз, у него в корзинке лежали истекавшие медом соты, а вокруг головы кружился целый рой пчел. Гисла, знавшая песню о пчелах – «спасибо за ваше златое сокровище, мы не возьмем у вас слишком много», – запела ее в надежде, что пчелы разлетятся. Пчелы и правда почти сразу разлетелись, но Хёд сорвался с дерева и рухнул к ее ногам.

Он лежал на спине, изумленно хватая ртом воздух, не сводя глаз с ветвей, шумевших высоко над его головой, и сжимая в руке корзинку с сотами.

– Хёди! – закричала Гисла. – Тебе больно?

– Нет... не... совсем, – выдавил он, пытаясь набрать в грудь воздух, выбитый падением. – Я привык к их укусам и жужжанию... но не привык видеть, как они роятся вокруг.

– Ты их видел?

– Лишь в твоей песне... но... это меня отвлекло. Я захотел... взглянуть. И забыл, что все еще не слез с дерева.

– Ты упал из-за меня, – сказала она.

– Это стоило того, – улыбнулся он. – И как только они летают... эти пчелы? Они такие толстые и шерстистые! А крылышки у них совсем маленькие. Они черные и... что это за цвет? Желтый? Желтые, – сказал он, радуясь, что все верно понял. – Желтый похож на золотой, – заученно повторил он. – Это цвет твоих волос... и зерна... и солнца... и цветков помидоров, и яблок в Тонлисе.

Он снова мерно дышал, но вставать не спешил. Он слишком увлекся, составляя свой список.

– Я постараюсь не петь, когда ты занят чем-то опасным, – сказала она, глядя на него сверху вниз и покусывая губу. – Я ведь даже не держала тебя за руку. Я не думала, что ты... увидишь... мою песню.

– А я увидел, – восхитился он. – Увидел пчел... быть может, не тех, что роились вокруг меня... но я их видел.

– Быть может... у нас стало лучше получаться.

– Мы словно ищем путь по хорошо проторенной дорожке, – согласился он. – Давай-ка проверим. Спой что-то другое. Простое... вроде пчелиной песенки, но только то, чего ты раньше не пела.

Она знала песню о листопаде и танцах на сбор урожая. Эту песню она ему еще не пела. Она вспомнила, как сестра смеялась и кружилась, напевая ее, закрыла глаза и запела, покачиваясь в такт воспоминаниям.

– Зелень и золото, рыжий и красный, здесь и там, и над головой, кружатся в воздухе, летят наземь, а весной распустятся снова, – пела она, покачиваясь, словно парящий в воздухе лист.

Она кружилась и порхала в танце, вспоминая, что Моргане этот танец нравился больше других. Гисла подпрыгивала, вертелась, и кланялась, и гнулась из стороны в сторону, а Хёд, увлеченно вслушиваясь, лежал у ее ног.

Но их дремотное блаженство прервал рев, не походивший на рёв ни единого известного Гисле зверя. Все вокруг захрустело, затрещало, и к ним, махая руками и бешено вращая в воздухе посохом, бросилась закутанная в черное фигура.

Хёд вскочил на ноги и закрыл собой Гислу, но разъяренный человек уже накинудся на них. Он хлестнул рукой по щекам Хёда и отшвырнул его в сторону.

– Что это значит? – завопил незнакомец в ярости, и у Гислы от страха застучали зубы.

Капюшон свалился с его головы, и Гисла увидела лысую голову и крючковатый нос. Заплетенная в косу белая борода свисала до колен и болталась словно змея, дергаясь и раскачиваясь из стороны в сторону, пока он мутузил Хёда. Тот не сопротивлялся.

– Что ты сделала с моим мальчиком, ведьма? – орал человек. – Что ты с ним сделала?

У Хёда шла носом кровь. Он вытер нос рукой, и на тыльной стороне ладони осталась красная полоса.

– Арвин? – спросил Хёд звеневшим от изумления голосом.

– Он не узнаёт своего учителя! – взвыл человек, ухватил Хёда за плечи и сильно встряхнул.

– Нет... Эм-м... Арвин, я... я в п-порядке. Все нормально, – выдавил Хёд, пытаюсь высвободиться, и Арвин наконец его отпустил.

Это и есть Арвин? Учитель Хёда? Совсем не такой мудрый и добрый, каким представляла его Гисла. Он повернулся к ней, и ей стало так же страшно, как в тот миг, когда она поняла, что не умрет вместе со всей своей семьей. Арвин наставил на нее свой посох, целясь концом ей в живот, и отгеснил к дереву, на которое Хёд взбирался за медом.

– Отойди, ведьма.

Она повиновалась, прижалась к стволу дерева.

– Арвин, она не ведьма! – крикнул Хёд. – Она девочка. Из Сонгров. Когда она поет, я вижу. Я вижу, Арвин!

Казалось, что эти слова привели незнакомца в ужас. Его черные глаза чуть не вылезли из орбит.

Острым концом своего посоха он нацарапал в пыли какой-то знак и забормотал слова, от которых Хёд охнул.

Не переставая бормотать, Арвин разрезал себе ладонь и поднял кровоточивший кулак над знаком, что лежал между ним и Гислой. Кровь закапала на землю. Хёд шагнул к Гисле, раскинув руки в стороны, словно стараясь обнять разом и ее, и Арвина, объединить их и успокоить. Но воздух зашипел, заискрился, как крепкое полено в ярком костре, и Хёд застыл.

– Мастер... что ты делаешь? – простонал он.

– Я загнал ведьму в ловушку.

Гисла попыталась было двинуться с места, но едва она сделала шаг, как воздух снова щелкнул, и прямо перед ней из земли ударила молния. Гисла отшатнулась, крепче прижалась к стволу дерева.

– Отпусти меня, – взмолилась она.

– Мастер, она показала мне свои мысли. Ты учил меня слышать отчаяние. Она боится, и у нее сильно стучит сердце. Но она не пыталась никого обмануть. Она не ведьма, не сирена,

не фея. Она из Сонгров. Ребенок. Девочка. – Слово «*девочка*» Хёд произнес так, словно она была ларцом, полным драгоценностей.

– Это переодетый Локи! Она пришла обмануть тебя, так же как настоящий Локи поступил с твоим тезкой. Она пришла тебя погубить!

– Она не Локи, мастер. Она жила со мной здесь почти целую неделю, но все это время лишь пела мне.

Арвин ахнул, словно эти слова лишний раз подтвердили, что у Гислы нечистые помыслы:

– Все так, как сказал мастер Айво. Хранители сгинут. Началось!

– Мастер Айво? Ты виделся с верховным хранителем? – изумленно переспросил Хёд.

Арвин помотал головой, и его борода заплесала из стороны в сторону. Хёду он не ответил. Гисла снова дернулась, пытаясь сбежать, но на этот раз уже в другую сторону. И тут же рухнула, ударилась головой о камень, почти потеряла сознание. Хёд вскрикнул.

– Она пытается сбежать, – взвыл Арвин. – Кто прислал тебя, ведьма?

Голос его слышался издали, будто он не стоял совсем рядом с ней, и в глазах у нее потемнело. Но она почти сразу пришла в себя от боли. Тихо скуля, она потеряла затылок. Ладонь окрасилась кровью, и Хёд выругался.

– У нее кровь, мастер. Ты ее ранил.

– Вижу, твои чувства возвращаются, – сказал Арвин с заметным облегчением. – Я ее ослабил.

Хёд что-то нацарапал на земле концом посоха, и Арвин протестующе вскрикнул:

– Не смей!

В следующий миг Хёд уже стоял на коленях рядом с ней, искал пальцами шишку у нее на затылке.

– Тебе больно, Гисла?

Ей было больно. И страшно. Оттолкнув от себя его руки, она вскочила. Барьер, воздвигнутый Арвином вокруг нее, исчез, и она кинулась вперед, понимая, что свободна, ликуя от этого. Но перед глазами у нее все закачалось, и она с разбегу врезалась в дерево.

На этот раз она сразу лишилась чувств и ухнула в глубокий, черный, бездонный колодец.

* * *

Очнувшись в следующий раз, Гисла поняла, что лежит на постели, которую для нее устроил Хёд. Правда, теперь ее гнездо уже не казалось убежищем. Вернулся Арвин, и Гисле не было места в этой пещере. Здесь ей больше не были рады. У нее стучало в висках, живот крутило, но она не смела пошевелиться. Хёд и его учитель увлеченно беседовали, стоя к ней спиной. Понаблюдав за ними сквозь полусомкнутые ресницы, она снова плотно закрыла глаза, не желая слышать, хоть на что-то надеяться. Хёд тихо и настойчиво уговаривал учителя.

– Я не водил ее вглубь пещеры. Она была рядом со мной с тех пор, как я нашел ее на берегу.

– Ты ее *не видишь*! Так откуда тебе, дурню, знать, что *видела* она? – напустился на него Арвин.

– Я не отходил от нее, мастер.

– Ты медлителен. Одурманен. Ее нужно убить.

– Убить? – ахнул Хёд.

– Она должна уйти, – смиловился Арвин. – Ей нельзя быть рядом с тобой. Нельзя оставаться здесь.

– Она одна... раньше я тоже был совсем один. Она из Тонлиса. Я уже говорил тебе, мастер, что она из Сонгров. Я слышал ее. Даже сквозь грохот шторма. Она пела... и я ее слышал. Я прождал всю ночь, пока шторм не стих и волны не выбросили ее на берег. Я чувствовал,

где она, даже после того как она перестала петь. От ее кожи исходит какой-то особый звук. Очень громкий, мастер. Громче даже, чем от тебя, хотя тебя я слышу за много миль.

– Сегодня ты меня не слышал! – напомнил ему Арвин, и Хёд затих. Но вскоре снова заговорил умоляющим голосом:

– Ее песнь жизни громче, чем песни всех живых существ, которых я когда-либо слышал. Ты мог бы учить ее. Так же, как учишь меня. Ей некуда идти. И потом, она девочка. Драгоценность. Мы не можем ее прогнать.

– Она тебя ослепляет.

– Нет... она помогает мне видеть!

– Нет, Хёд, она тебя ослепляет, – повторил Арвин. – Все иные твои чувства вмиг притупились. Ты знаешь, что я говорю правду. Я вижу это по твоему лицу. Я ударил тебя, а ты этого не предугадал. Ты не услышал, что я иду. Я вошел в пещеру, боясь, что случилось худшее, но тебя там не было. Тогда я пошел тебя искать. Когда я увидел... как ты лежишь на поляне, а вокруг тебя пляшет ведьма... я решил, что ты умер.

– Это был невинный танец, мастер. Она невинна.

– Невинна она или нет, но вот ты в первый раз в жизни был по-настоящему слеп. А значит, она не помогает тебе видеть.

– Мне просто нужно упражняться, – взмолился Хёд, но Гисла почувствовала, что он уже не так сильно в этом уверен.

– Ты утратишь чувствительность, которую сумел развить. Пока она рядом, ты будешь выбирать зрение, забывая об интуиции и всех иных чувствах. Она тебя ослабит. Она уже тебя ослабила!

– Она одинока, – прошептал Хёд. – У нее никого нет. Ей некуда идти. А еще, мастер, она – девочка. Девочка! Ей нужна защита.

В пещере повисла тишина. Гисла не смела открыть глаза, не смела взглянуть на происшедшее между Хёдом и Арвином. Все ее тело обмякло, в голове билась боль, и она тихо лежала во тьме, чувствуя себя совершенно несчастной, ожидая, когда решится ее судьба. Беседа возобновилась лишь спустя несколько минут.

– Я был на Храмовой горе, – сказал Арвин. – Там о разном толкуют. Король Банрууд потребовал привести в храм по одной девочке из каждого клана. Я отведу девчонку в Лиок, к ярлу Лотгару. Он будет рад, что сможет хоть кого-то отослать в храм.

– Но... – возразил было Хёд.

– Это лучшее из возможных решений. Словно ее привел сам Один.

– Он не привел ее в Лиок... Он привел ее ко мне, – возразил Хёд.

В его голосе слышалась такая боль, что у Гислы в груди что-то оборвалось.

– Ты к ней уже привязался, – взвыл Арвин. – Она тебя уничтожила.

– Нет, не уничтожила. Я... Я... – Хёд искал верное слово и никак не мог найти.

– Мой мальчик, она помешает твоему обучению, – едва ли не с нежностью сказал Арвин.

– Тогда я буду работать усерднее. Прошу, не отсылай ее.

– У меня нет разрешения на то, чтобы ее учить! – крикнул Арвин. Вся его нежность вмиг улетучилась, словно ее и не было. – Ей нельзя видеть руны.

– И все же ты готов отправить ее к хранителям? – парировал Хёд. – В храм?

– Мастер Айво хранит и храм, и руны. Он сам решит, что делать с ней... и другими дочерьми, которых туда пришлют. Это уже не моя забота. И она – не моя забота. Я забочусь лишь о тебе.

– У нее быстрее забилося сердце. Она просыпается, – с тоской сказал Хёд.

В следующий миг она почувствовала, что они встали у ее ложа, загородив спинами свет от огня, светивший ей прямо в глаза.

– Ты разложил камни вокруг ее постели? И начертил на них руны? – изумился Арвин.

– Я применил руны, чтобы помочь ей заснуть. И проснуться. И... чтобы избавиться от насекомых, что жили у нее в волосах, – робко признался Хёд. – Всего три руны.

– Ты глумишься над силой рун, тратя ее на подобные глупости.

– На что тогда руны, если нельзя их использовать, когда они действительно нам нужны?

Она не видела рун... и не поняла их.

– Я не растил тебя дураком, – процедил Арвин.

– Ты растил меня так, чтобы меня никто не мог обдурить. Мастер, я справился со всеми испытаниями. Вначале я решил, что она подослана... что это ты мне ее подослал. Но в ней не было лукавства. Ни в ее дыхании, ни в биении сердца. Ни в ее страхе перед миром. Ты должен услышать, как она поет, мастер. Тогда ты поймешь.

– Не хочу слушать, как она поет. Она заколдует меня так же, как заколдовала тебя.

Но теперь в его голосе слышалось сомнение. Открыв глаза, Гисла увидела, что он нависает над ней, а рядом с ним стоит Хёд. Борода Арвина щекотала ей нос.

– Откуда ты, девочка? – спросил Арвин.

Она застонала, и голова отозвалась гулом.

– Ей больно, мастер, – сказал Хёд.

– Не трогай ее! – крикнул Арвин и хлопнул его по руке. – Кто ты, дитя? – спросил он.

– Я Гисла, – прошептала она. В голове у нее громыhalo.

– Мастер, тебе ничего не стоит избавить ее от боли, – сказал Хёд.

– Тс-с, – зашипел Арвин. – Боль не лжет.

– Конечно, лжет, – возразил Хёд. – Нет лучшего лжеца, чем боль. Боль скажет что угодно, лишь бы ее утолили.

Арвин заворчал, но все же запустил Гисле в волосы свои цепкие, острые пальцы. Он ощупал шишку у Гислы на лбу, помял рану у основания черепа.

– Она из Сонгров. У нее кровь рун, мастер, – сказал Хёд. – Тебе не нужно использовать свою кровь.

– Молчи, – приказал Арвин, и Хёд повиновался.

В следующий миг старик что-то начертил у нее на лбу кровью из ее собственных ран. Губы его задвигались, произнося слова, которые Гисла не могла разобрать, но Хёд их явно расслышал и с облегчением выдохнул. И ее боль тут же утихла.

Моргнув, она взглянула на учителя Хёда. Она знала, что он ей не нравится. Но теперь, когда боль в голове, пусть даже причиненная им, утихла, она чуть смягчилась к нему. Она села, прислонившись спиной к стене пещеры.

– Гисла, – мягко сказал ей Хёд. – Это Арвин, мой учитель. Не бойся его.

– Он думает, что я ведьма, – отвечала она. Конечно, ей нужно его бояться. Но она чувствовала, что ее страх рассеялся так же, как и боль в голове, словно знак Арвина разом избавил ее и от того и от другого.

– Кто тебя прислал? – спросил Арвин, подняв свой посох, словно копье, и наставив его конец ей прямо в грудь.

Она вдруг почувствовала, что и он тоже боится. При этой мысли она чуть не расхохоталась. Он был крупнее и сильнее ее. Он знал волшебные руны, не страдал от ран, не был бездомным, и никто не грозился проткнуть ему грудь острым концом тяжелого посоха.

– Кто тебя прислал? – повторил он, касаясь посохом ее ребер.

– Никто меня не прислал. Никого не осталось! – крикнула она, ухватившись за посох.

Брови Хёда поползли вверх. Она не все ему рассказала.

– Никого? – спросил он.

– Моя семья мертва, – отвечала она.

– Как ты нашла его? Как ты нашла Хёда? – спросил Арвин.

– Не я его нашла, – твердо ответила Гисла. – Это он меня нашел.

– Это правда, мастер, – вмешался Хёд.

– Тс-с, – бросил ему Арвин. – Она нашла тебя, Хёд. Нашла нас. Она ведь здесь, так?

– Я здесь... но я ничего не знаю о вас... и об этом месте, – сказала она.

– Спроси у рун, мастер. Тогда ты узнаешь, что она говорит правду, – решительно предложил Хёд.

– Замолчи, отрок! – взвизгнул Арвин.

Всякий раз, слыша о рунах, он вел себя так, словно думал, что она пришла их забрать... или увидеть. Или выучить.

– Сколько тебе лет, девочка?

– Четырнадцать.

– Нет, – фыркнул Арвин, словно она врала, хотя к чему бы ей было врать.

– Да, – ответила она.

– Ты маленького роста. У тебя не женские формы. Ты выглядишь младше, – возразил Арвин.

Он был прав. Ни грудь, ни бедра у нее не были развиты. Несмотря на длинные волосы, любой, кто увидел бы ее теперь, в старой блузе Хёда и в его штанах, счел бы ее мальчиком.

– Лицо у тебя не мальчишеское, – задумчиво произнес Арвин. Он словно читал ее мысли. – Слишком красивое. Губы слишком розовые, глаза слишком знающие. – Он кивнул сам себе, словно окончательно поверив, что не ошибся. – Да-да. Сомнений нет. Ты ведьма.

4 шага

В том, что Гисла не ведьма, Арвина убедило вовсе не ее пение. Но песня Гислы не оказала на него того же действия, что на Хёда: тот сидел в восхищенном оцепенении, пока Гисла пела Арвину балладу Сонгров – гимн своего народа, прославленных певцов и музыкантов.

Когда она допела, Арвин нахмурился: его подозрения лишь возросли, и он совершенно запутался. Он с ужасом слушал, как она поет, ибо верил, что она лишит его воли и силы, а потом уничтожит. Пока она пела, он держал в руках лук и целился ей прямо в сердце.

– Я вижу картины... но силы в них не больше, чем в моих собственных мыслях, – признал он. – Песня рассказывает историю. Вот и все. Но эта песня красива. Чиста и нежна. Я хотел бы послушать еще. – Он снова нахмурился, с подозрением сощурил глаза. – Быть может, в этом и кроется хитрость. Твое пение чарует. Ты хочешь зачаровать... и уничтожить юного Хёда.

– Нет тут никакой хитрости, Арвин, – отвечала Гисла, но он ей не поверил.

Он отослал Хёда в дальние комнаты пещеры и всю ночь сторожил Гислу, пообещав, что наутро отведет ее к человеку по имени Лотгар.

Она свернулась клубочком в своем гнезде, желая заснуть, но не смогла сомкнуть глаз под взглядом Арвина, сверлившим ей спину.

– Ты же знаешь, что он все слышит. Куда бы я его ни послал, он все равно все слышит. Но в этот раз я прошел через лес, подошел прямо к нему, а он и не знал, что я вернулся.

Она ждала, не зная, что сказать, не понимая, чего он от нее хочет.

– Лотгар тебя не обидит.

– Пусть обижает, мне все равно. Но только вели ему действовать быстро. И разить напо-
вал.

Он крикнул:

– Ты странное дитя. Лотгар может от тебя отказаться.

Она знала, что не откажется. Но ничего не сказала.

– Он захочет узнать про твой дом. Лучше все ему рассказать.

Перед глазами возникли выжженные поля, разрушенная деревня. Что такое дом? Родной край? Земля под ногами? Или дом – это люди? Она не спросила.

– У меня нет дома, – прошептала она.

– Зачем ты здесь? – спросил он, снова одолеваемый подозрениями. И страхом.

Лишь поняв, что он боится, она решилась ответить.

– Не знаю. Я это место не выбирала. Вся моя семья умерла. Я тоже хотела умереть, но море меня не приняло. Меня не принял Один. И смерть. И никто не примет. Ни ты, ни кто-то другой.

Ее голос звучал так жалобно, что она мысленно обругала себя, но, когда Арвин снова заговорил, тон его смягчился:

– Дочь Сонгров, ты не можешь остаться здесь.

– Я и не хочу здесь оставаться, – сказала она.

То была и правда... и ложь. Ей не хотелось иметь ничего общего с Арвином, но очень хотелось остаться с Хёдом.

– Хёду это во вред, – прибавил Арвин.

– Почему? – спросила она, уже зная, что он ответит.

– Все его чувства притупляются, когда ты рядом с ним.

– *Все* его чувства? – Нет, неправда.

– Все чувства, кроме зрения, – уточнил Арвин. – Когда он видит, то уже ничего не слышит. Не чувствует. Словно мучимый жаждой пьянчужка, он хватается за то, что считает чудо-

действенным эликсиром. Ты не можешь петь ему вечно. А как только ты замолчишь... он снова погрузится во тьму.

– Значит, я не буду ему петь, – пообещала она.

Он презрительно фыркнул.

– Ты все твердишь о рунах. Ты за них боишься? Я не умею писать слова. Не умею читать. Я не знаю твои глупые руны, – сказала она.

Он свирепо уставился на нее, но она продолжала, надеясь его убедить:

– Хёд говорит, ты хранитель пещеры. Мне твоя пещера не нужна. Мне совсем ничего не нужно... кроме, может, еды да места для сна. – Ей хотелось есть. Аппетит возвращался.

Быть может, это значило, что она снова ценила жизнь и потому не хотела умереть. Плохой знак. Прежде она уже ценила и свою жизнь, и жизнь тех, кто был ей дорог. Этого больше не будет. Но ей нужно было где-нибудь жить.

– Я вовсе не знаю руны, – повторила она. – Я знаю лишь песни.

То были неправильные слова. Или Арвин уже принял решение. Лицо его словно окаменело, голос прозвучал твердо:

– Ты его уничтожишь. Ты должна уйти. Здесь тебе оставаться нельзя.

* * *

Арвин сидел в кресле у огня и не спускал с нее глаз. Но в конце концов его одолела дрема. Храпел он так громко, что Гисла почти всю ночь пролежала без сна, ко всему безразличная, неспособная ни на что решиться. Хёд был бессилён: она не могла остаться с ним, если этого не хотел Арвин. Зато она могла снова сбежать. Пожалуй, Хёд услышит ее... но не вернет ее обратно. Ему некуда ее возвращать.

– Я могу пойти куда угодно, – громко сказала она, пытаясь себя подбодрить.

Она была сильной. И храброй. Но тут Арвин всхрипнул, и у нее защемило глаза от слез.

– Могу. И пойду.

Она поднялась с вороха шкур. Арвин не проснулся. Она подошла к столу, на котором аккуратно рядом лежали ножи, взяла один из них и сунула за веревку, на которой держались ее штаны. А потом вышла из пещеры в лунную ночь, под сень стоявших в молчаливом карауле деревьев. Она где-нибудь спрячется. Быть может, найдет себе другую пещеру. Или просто будет шагать, пока у нее не останется сил на раздумья. Она решила спуститься с холма обратно к пляжу, на котором несколько дней назад ее нашел Хёд. Она пойдет вдоль берега, это проще, чем карабкаться по скалам. Дойдя почти до самого моря, она вдруг услышала за спиной голос Хёда. Подпрыгнув от неожиданности, она тут же зажала себе рот рукой, чтобы не вскрикнуть.

– Не уходи, – сказал он.

Переведя дух, она зашагала дальше, вперед, к месту, где камни сменялись песком. Хёд шел за ней.

– Здесь опасно.

– Он не позволит мне остаться, – сказала она.

В ее голосе звучало обвинение, но Хёд не стал оправдываться и спорить.

– Позволь ему отвести тебя к Лотгару, – тихо сказал он. – Лотгар – достойный человек и добрый ярл. У него есть жена и дочери. Народ любит его. Под его опекой тебе ничего не угрожает.

Слезы вернулись, в глазах снова закололо и защемило.

– Я бы лучше осталась с тобой. – Это признание вырвала у нее ночная тьма. При свете она бы такого не сказала.

– Я бы тоже этого желал, – прошептал он. – Но, быть может... это не лучший выход для нас обоих.

– Я не буду петь, обещаю, – сказала она, и слезы покатались из глаз, побежали по щекам, растаяли на одолженной у него блузе. То же самое она обещала Арвину, и он не поверил ей.

– Я не дал бы тебе сдержать обещание. Я бы каждый день молил, чтобы ты мне пела. И Арвин об этом знает. Он боится, Гисла. И я тоже боюсь. Не тебя... себя самого.

– Тогда я уйду. Зачем ты пошел за мной? Почему просто не дал уйти? – крикнула она, смахивая слезы.

– Здесь ты в опасности. Безопасно лишь в кланах и в храме... но на самом деле и там тоже полно опасностей.

– Мне плевать на то, что со мной будет.

– Если тебе плевать... позволь Арвину отвести тебя к Лотгару. Жизнь в храме лучше любой другой жизни, – настаивал он.

– Лучше жизни в пещере?

– Я не буду вечно жить в той пещере. Однажды... я тоже приду в храм. Арвин учит меня рунам. Когда-нибудь я стану хранителем.

– И придешь в храм?

– Да. Я приду на Храмовую гору и попрошу, чтобы мне разрешили стать хранителем. И тогда мы снова встретимся.

– Не давай обещаний, Хёди, – прошептала она. – Я не хочу тебя ненавидеть.

– Не хочешь? – В его вопросе зазвенела надежда.

– Нет, – выдохнула она. И остановилась. Дальше идти было некуда. Ее ступни уже ласкал прибой. – Раз в Сейлоке больше нет дочерей, значит, я – ценность? Значит, кто-то захочет взять меня себе? Зачем же мне в храм?

– Ты когда-нибудь видела, как волки дерутся за кролика?

Она потрясенно промолчала.

– А теперь представь, что волки страшно проголодались. И таких волков сотни. Тысячи.

– Но ведь я встретила тебя! А ты не волк.

– Нет, я лишь слепой юноша, не способный тебя защитить или обеспечить. Пока не способный. – Он вздохнул, и вздох этот был так тяжел, что он покачнулся под его весом. – Быть может, вообще не способный.

– Если я соглашусь, если позволю Арвину отвести меня к этому Лотгару, ты пойдешь вместе с нами? В Лиок?

– Арвин не захочет взять меня с собой. – Он набрал полную грудь воздуха. – Но он не сможет меня остановить. Я пойду.

– Далеко ли путь до Лиока?

– Мы и теперь в Лиоке, – сказал Хёд. Опустившись на корточки, он начертил на мокром песке звезду – широкую, шестиконечную, с возвышением в центре. – Мы вот здесь, там, где Лиок изгибается, приближаясь к Адьяру. Адьяр – это верхний конец звезды, Лиок лежит от него к западу, а Берн – к востоку.

– А где Северные земли? – спросила она.

Он указал на море:

– Ты уже проделала огромный путь, Гисла. И до сих пор Один сохранял тебе жизнь. Ты пережила болезнь и мор. Пережила путешествие по морю. Пережила даже приход Арвина. Норны готовят тебе особую судьбу, Гисла. Тебя ждет величие.

Она не ответила, и тогда он продолжил, указывая на начерченную на песке карту:

– Самый южный конец звезды – это Эбба. Между Эббой и Берном лежит Долфис. Между Эббой и Лиоком – Йоран. Вот здесь... в центре... Храмовая гора. Туда-то тебя и отведет Лотгар.

– И там я буду в безопасности? – с горькой усмешкой спросила она.

– Ты не будешь одна. Там будут другие дочери, такие же как ты. Их тоже приведут в храм. Арвин говорит, так велел король. Он потребовал привести по одной дочери от каждого клана.

– Зачем?

– Чтобы они стали символом для всех жителей Сейлока... или чтобы оградить их... или по какой-то иной причине, известной одному лишь верховному хранителю. – Он пожал плечами. – Арвин говорит, дочерей отведут в храм, не в королевский дворец. Это хорошо. – Хёд поднялся и носком башмака стер нарисованную на песке звезду. – Лотгар потребовал, чтобы к нему привели всех девочек в Лиоке. По словам Арвина, его распоряжение пока никто не выполнил.

– Почему? – Это известие вряд ли могло ее утешить.

– Никто не хочет разлучаться с дочерьми.

Никто не будет грустить, разлучившись с ней.

– Но я не из Сейлока родом... И не из Лиока. Я не могу представлять клан, – возразила она.

– Им об этом знать не следует, – твердо произнес Хёд. Его мраморные глаза отражали свет далекой луны. – Ты дар богов. Я верю, что ты будешь вершить великие дела, Гисла из Тонлиса.

Ей не хотелось вершить великие дела. Ей хотелось лишь обрести убежище, найти любящую семью. Ей были нужны лишь друг, и костер, и песня, что сумеет унять ее боль. Но всего этого у нее не будет. Не теперь. Быть может, вообще никогда.

Протянув руку, он кончиками пальцев коснулся ее щеки. Она придвинулась ближе, взяла его за запястье. Он позволил ей указать ему путь. После урока с картой пальцы у него были холодные, все в песке. Ладони казались слишком широкими – словно он до них еще не дорос, но непременно дорастет, если на то будет воля богов. Он дорастет и до широких ладоней, и до длинных ступней, а его гладкие щеки огрубеют и покроются волосами, как щеки ее отца.

На нее навалилась печаль. Она сильно прикусила себе губу, а он осторожно исследовал ее лицо, кончиками пальцев касался глаз, носа, щек, подбородка.

– Теперь я увидел твое лицо, – сказал он, опуская руку. – И я его не забуду. Я не забуду тебя.

Она ему не поверила.

– Нам пора возвращаться. Арвин скоро проснется.

Она в нерешительности помедлила.

– Гисла?

Она знала, о чем он ее попросит. Она вложила свою ладонь ему в руку, и они побрели обратно к пещере.

– Ты будешь помнить меня? – мягко спросил он.

– Да, Хёд. Я буду помнить тебя.

– Обещай, что не сдашься.

Она вздохнула.

– Обещаю, что не сдамся сегодня, – сказала она.

* * *

В закатных сумерках они покинули пещеру и направились к крепости Лотгара. Арвин требовал, чтобы Хёд остался, но тот отказался, как и обещал.

– Мастер, я тебе пригожусь. Нам придется идти ночью. Мы ведем девочку, а это привлечет к нам худших из всех людей. Старик и слепой юноша никому не интересны, но Гисла – другое дело, – сказал Хёд.

– Гисла? – Арвин с отвращением выплюнул ее имя. – Прекрати называть ее этим именем. В Сейлоке нет ни одной Гислы. Ей понадобится новое имя, что будет звучать так, как подобает дочери Лиока.

Необходимость идти в темноте не смущала Хёда. Он ни разу не споткнулся и ничего не боялся. Однажды, поняв, что навстречу идут другие путники, он потянул Гислу и Арвина за собой в лес, и они спрятались за деревьями. Он услышал людей задолго до того, как их стало видно.

Путь на север, к деревне ярла, занял две ночи. Хёд объяснил, что деревня, как и все крупные поселения в Сейлоке, стоит на краю Лиока, у самого моря.

– Члены кланов путешествуют от полуострова к полуострову, от одного конца звезды к другому. Добираться морем быстрее, чем сушей.

Их беседы в присутствии Арвина выходили натянутыми и неловкими. Арвин с подозрением прислушивался к их разговорам, ни на миг не теряя бдительности, а во время привалов требовал, чтобы они молчали и держались порознь. Его тревога росла – когда они наконец подошли к деревне, окружавшей крепость Лотгара, он весь кипел от раздражения.

– Лучше идти на рассвете, когда вокруг никого не будет, – предложил Хёд. – Так безопаснее для Гислы.

– Мы пойдем прямо сейчас, – бросил Арвин. – Я неделю не знал отдыха. Я выведу девочку к опушке леса и укажу ей путь к крепости ярла.

– Мастер... ты должен убедиться, что путь чист. В толпе она не пройдет и десяти шагов. К тому же что будет, если Лотгара нет?

Арвин в нерешительности скрестил на груди руки и что-то забормотал.

– Ждите здесь. – Он перевел взгляд с Хёда на Гислу, наставил на ее нос длинный скрюченный палец. – Я ненадолго. И не вздумай петь!

Едва он скрылся из виду, как Хёд протянул к ней руку.

– Не бойся, Гисла.

Не обратив на его слова никакого внимания, она рухнула прямо на землю. Хёд сел рядом с ней.

Он протянул ей флягу, и она принялась жадно пить, надеясь водой смыть отчаяние, журчавшее у нее прямо в горле. Выпив все до последней капли, она отдала флягу Хёду.

– Я... много думал, – сказал он.

Она ничего не ответила, и он снова потянулся к ней, провел ладонью по ее руке, обхватил запястье и переложил ее руку себе на колено. Она забрала руку. У Хёда дернулась щека.

– Никому, кроме хранителей, не разрешается звать к рунам, – неуверенно начал он. – Но времена нынче странные, а Арвин всегда говорил, что готовит меня для мудрой цели. Быть может... это она и есть.

– О чем ты, Хёди? – прошептала она, поверив на миг, что он вот-вот заплачет.

– Я хочу начертить руну у тебя на ладони.

– Зачем? – Ее голос прозвучал твердо. Чувства переполняли ее, и оттого ей проще было изображать ледяное спокойствие.

– Если ты обведешь руну кровью и запоешь, думаю, я смогу... услышать тебя. Быть может, и ты меня услышишь. Ты этого хочешь?

– Я... всегда буду слышать тебя? – ахнула она.

– Не знаю. Но думаю, что да. Пока руна будет видна.

– Как долго она будет видна?

– Если это шрам... он останется навсегда.

Она выдохнула. А затем положила руку ему на колено, ладонью вверх. Он улыбнулся, приободрившись.

– Эту руну называют духовной. Она требует крови, как и все самые сильные руны. Будет больно. Мне придется порезать тебе руку. Но если я начерчу руну у тебя на ладони, линий никто не заметит. У нас на ладонях уже начертаны другие руны. Видишь?

Он провел пальцем по линии, тянувшейся от ее запястья, и по линиям, пересекавшим ее.

– Хорошо, – сказала она. – Режь.

– Сложи руку в горсть, чтобы мне было проще резать, – сказал он.

Она подчинилась и сложила руку, так что кожа на ладони вся сморщилась. Он повел по ее ладони острием ножа, и за лезвием потянулась тоненькая кровавая линия. Было больно, но она молчала. Слишком заманчивым было обещание не утратить связи с ним. Если бы он попросил, она бы позволила ему изранить себе хоть всю руку до самого плеча.

Он начертил тот же знак у себя на ладони и прижал ее руку к своей, сплел пальцы с ее пальцами, смешивая кровь.

– А теперь... спой мне.

Она нахмурилась:

– Ты сидишь прямо передо мной, держа меня за руку. Ты мог бы услышать меня безо всякой руны.

– Я хотел сказать... спой мне без слов, без звука. Спой у себя в голове... а я расскажу тебе, что услышу.

Он сжимал ей ладонь, и оттого ей сложно было прислушаться к мелодии, звучащей у нее в голове. Она отвлекалась на то, какой теплой была его кожа, на печаль, теснившуюся в груди, на рыдания в душе, не смолкавшие с той самой минуты, когда она поняла, что осталась совсем одна.

– Я не могу.

– Конечно, можешь, – мягко сказал он. – Разве песни не звучат у тебя в голове, даже когда тебе этого совсем не хочется?

– Да, – выдохнула она.

В голове уже зазвучала песня. Она крепко зажмурилась, вслушиваясь в мелодию, не издавая ни звука.

– *Красиво... но где же слова?* – спросил он через мгновение. Голос был глухим и словно шел у нее из головы, не у него изо рта.

Она распахнула глаза.

– Я тебя слышала, – восхищенно выпалила она.

Она так крепко сжимала его руку, что не чувствовала своих пальцев.

– Да... а я слышал тебя. Попробуй снова, – настойчиво сказал он.

В Тонлисе всюду музыка, в земле и в воздухе. В Тонлисе всюду пение, даже когда там пусто.

Хёд повторил слова этой песни – не пропел, но лишь произнес, тем же глухим голосом, что звучал у нее в голове.

Она рассмеялась, но тут же осеклась:

– Но ведь... когда я уйду, то не смогу больше держать тебя за руку.

Выпустив ее руку, он отошел на пару шагов. Вытянул посох, стукнул им по ближайшему дереву, оценивая его высоту и обхват. А потом спрятался за его стволом.

– Ты меня видишь? – тихо спросил он.

– Нет.

– Хорошо. А теперь снова спой про себя.

Сердце мое будет в Тонлисе, даже когда я его покину. Дух мой не будет петь снова, пока я не вернусь домой.

Он повторил эти слова, и в его голосе, что слышался прямо у нее в голове, звучала грусть.

Надеюсь, твой дух будет снова петь, Гисла.

Она вздрогнула. Одно дело слышать его, и совсем другое – разговаривать, раскрывать свои мысли в ответ на его слова.

– Мне петь? Или мы можем просто поговорить? – спросила она вслух. Он вышел из-за дерева и приблизился к ней.

– Арвин возвращается, – сказал он глухим, встревоженным голосом.

У нее быстро забилося сердце. Она не была к этому готова.

– Твоя ладонь заживет, но след останется, – прошептал он, стараясь успеть сказать ей все до прихода Арвина.

– Останется шрам.

– Да. Обведи руну капелькой своей крови и спой свою песню, где бы ты ни была. Когда услышишь меня, а я... услышу... тебя, продолжай обводить руну. Мы будем слышать друг друга, даже если ты перестанешь петь. Ни о чем не говори Арвину. Никому не говори. Иначе, боюсь, твой дар могут обратить против тебя.

Через мгновение среди деревьев показалась фигура Арвина. Хёд смолк.

– Лотгар в крепости, – сказал Арвин. – Время ужина еще не пришло, у ворот стоит стражник. Идем, девчонка.

Он схватил ее за руку своей костлявой рукой, заставляя встать, обернул ее плечи покрывалом, пряча под ним ее волосы. Хёд тоже поднялся.

– Останься здесь, Хёд, – приказал Арвин и потянул Гислу за собой.

Гисла не обернулась. Не смогла. Ей показалось, что он с ней попрощался, но в ушах у нее гремел оглушительный гром. Она не знала, подчинился ли он Арвину. Арвин тоже ничего больше не говорил.

Крепость Лотгара была самым большим из домов, окружавших площадь. По сторонам крепости теснились стойла и домишки поменьше.

Арвин указал Гисле на человека, стоявшего у огромной двери с мечом в руках. Когда он поворачивал голову, его длинная коса покачивалась из стороны в сторону.

– Подойди к этому человеку, – наставлял Арвин. – Спроси ярла Лотгара. Говори громко. Настаивай. Скажи, что ты пришла, потому что он этого требовал.

– Как я пойму, кто из них ярл?

– Он сидит в самом большом кресле. Волосы и борода у него словно грива у льва. Он велик и говорит очень громко. Он выглядит как истинный ярл. Другие мужчины ему прислуживают.

От ужаса она не могла сдвинуться с места.

– Скажи ему, что ты из Лиока. Скажи, что хочешь попасть в храм. Настаивай. Послать ему все равно больше некого. И к тому же он защитит тебя на пути в храм.

– А после того как я окажусь в храме?

– Дитя, тебе больше некуда идти, – сердито бросил он.

Ей действительно больше некуда было идти.

– Убеди их, что ты юна, – напомнил Арвин. – Пусть считают тебя ребенком. Так ты выгадаешь время.

Бутоны ее груди были тверды, как камни, и так болели, что она не могла больше спать в своей любимой позе, на животе. Ноги тоже порой пронзала острая боль – из-за роста. Она не всегда будет такой же маленькой, и скоро, очень скоро никто уже не сочтет, что ей всего девять или десять лет. Между ног у нее начала течь кровь. Немного. Нечасто. Но она уже знала, что это значит.

– Позволь мне остаться с тобой. – От этой мольбы ее охватил жгучий стыд, но Арвин не передумал.

– Не могу, – твердо сказал он, и она поняла, что его не переубедить. – Если я пойду с тобой, это вызовет вопросы. На которые я не сумею ответить. Лучше тебе идти одной. Не говори обо мне и о мальчике. Это лишь принесет нам беды.

Она обернулась к опушке леса у себя за спиной. Ей нужно было в последний раз увидеть Хёда. Но его там не было.

– О твоих песнях им тоже лучше не знать. Достаточно и того, что ты девочка. Это уже большой дар. Им не нужно знать о том, на что ты способна.

– А на что я способна? – недоуменно спросила она.

– Ты можешь дать зрение слепцу, – бросил он.

– На Храмовой горе много слепцов?

– Нет. Но мужчины во многом слепы. Будь осторожна, девочка. Береги свои песни.

Арвин впервые назвал ее не *ведьмой* и не *девчонкой*, и она изумленно вскинула голову. В его голосе звучали добрые нотки.

– А теперь ступай, – велел Арвин. – Иди прямо к дверям. Не останавливайся. Покрывало с головы не снимай. Вперед. Вперед. – Он подтолкнул ее в спину, и она, покачнувшись, сделала четыре неверных шага.

Когда она обернулась, он уже растворился в лесу. Она одернула свой самодельный плащ, не снимая его с головы. Ей оставалось лишь идти вперед.

Когда она приблизилась к стражнику у дверей Лотгара, тот уже хмуро смотрел прямо на нее.

– Я пришла к Лотгару, – твердо сказала она, не глядя ему в глаза.

– Ты кто? – спросил стражник.

– Я хочу попасть в храм.

Он сбросил покрывало с ее головы.

– Ты девочка, – ахнул он.

– Да. И я хочу видеть ярла Лотгара. – Внезапно ее охватило странное спокойствие.

Воровать на том корабле было гораздо сложнее. Теперь ей хотя бы не придется прятаться среди крыс.

– Иди за мной, – сказал стражник и оставил свой пост у дверей в крепость ярла.

Потолочные балки в крепости были высокими, а мебель – тяжелой и темной. Все здесь было рассчитано на крупных и высоких людей. Стены украшали рога, перья и кубки, каменный пол был устлан мехами. Из кухни в глубине дома доносился запах жареного мяса и хлеба. Стражник привел Гислу в зал, где вдоль стен стояли столы, а по центру оставалось свободное место. По залу слонялось несколько человек, но никто из них не ел. В огромном каменном очаге трещал огонь, две собаки не в первый раз боролись за выдавшую виды кость.

В гигантском кресле на возвышении восседал человек с большой золотисто-седой бородой, окаймлявшей его широкое лицо. С серьезным видом он говорил о чем-то с другим человеком, лицо и борода которого походили на его собственные. Впрочем, второй человек больше слушал, чем говорил.

– Вождь Лотгар! – окликнул стражник возбужденным, даже радостным голосом, и все в зале сразу повернулись к нему.

Человек в кресле взглянул на стражника, и его черты исказило раздражение. Его собеседник тоже было нахмурился, но тут же осклабился, заметив стоявшую позади высокого стражника фигурку.

– Я привел тебе девочку, Лотгар, – объявил стражник.

Все в комнате замерло. Слышно было лишь, как трещали поленья в очаге.

5 лет

– Где ты нашел ее, Ладло? – прошептал Лотгар.

– Она подошла прямо к дверям крепости, лорд. И спросила тебя. Сказала, что хочет попасть в храм. – Стражник хохотнул, словно сам не верил своим словам.

– Сколько тебе лет, девочка? – спросил ярл. Этот вопрос всегда задают в самую первую очередь. Ей вспомнились слова Хёда: *За двенадцать лет в Сейлоке не родилось больше ни единой дочери... Мужчины привозят дочерей из других краев... но этого мало... и кажется, нет спасения, нет руны, что сняла бы с нас это заклятие.*

– Я не знаю, сколько мне лет, – солгала Гисла.

Плечи ее напряглись, глаза уставились на черные от грязи босые ноги.

– Откуда ты пришла? – строго спросил ярл.

– Я из Лиока.

– Если бы ты родилась в Лиоке, мы бы знали, – сказал человек, стоявший рядом с Лотгаром.

Лотгар вытянул руку, словно призывая его замолчать:

– Ликан... позволь мне, брат.

– Я из Лиока, – настаивала она, упрямо вздернув подбородок, как учил ее Арвин.

– Зачем ты пришла? – спросил Лотгар.

– Я хочу, чтобы меня отправили в храм.

По залу пронесся глухой ропот.

– Вон отсюда. Уйдите все, – повелел Лотгар, и все, кроме его брата, немедленно подчинились приказу.

Ликан остался стоять рядом с ярлом, и тот ничего ему не сказал.

– Кто о тебе заботится, девочка? – спросил Лотгар, когда зал опустел.

– Я сама о себе забочусь.

– Где твоя семья?

– Не знаю.

– Как тебя зовут?

– Не знаю.

– А что ты знаешь?

– Что я из Лиока, – громко и решительно отвечала она. – И я девочка.

Лотгар расхохотался, а его брат выругался, не веря своим ушам.

– Девочка маленькая, но язычок у нее острый. Она юна, но, похоже, неплохо разобралась в ситуации, – словно сам себе заметил Лотгар. – Ты похожа на дочь Лиока, – согласился ярл. – Волосы у тебя светлые, а глаза синие.

– Она похожа на твоих дочерей, лорд. И на нашу мать, – задумчиво произнес Ликан.

Ярл Лотгар разглядывал Гислу, перебирая пальцами свою длинную бороду.

– Но родилась она не в Лиоке, – сказал ярл. – Она совсем ребенок, мы бы узнали о ее рождении. Родители принесли бы ее ко мне для благословения.

– Быть может, ее родители скитались по разным странам, – предположил Ликан. – Быть может, она принадлежит к роду бродяг.

– Я ни к кому не принадлежу, – вскинула голову Гисла.

Мужчины изумленно уставились на нее, словно не веря своим глазам. Спустя несколько мгновений Лотгар снова заговорил:

– Но... почему... тебе хочется попасть в храм?

– Потому что я ни к кому не принадлежу, – повторила она. – В храме меня будут кормить.

Лотгар медленно кивнул, а его брат заговорил:

– Посылать больше некого, Лотгар.

– Некого. – Лотгар покачал головой. – У нас никого нет. Иначе придется силой забирать дочерей у моих людей.

– Ты бы убил всякого, кто попытался бы отнять у тебя дочерей, – тихо заметил его брат. Глаза Лотгара потемнели, но он снова кивнул:

– Сушая правда.

– Но теперь у нас есть этот ребенок. Девочка. Мы не знаем, откуда она пришла... но думаю, что мне все равно, – признался Ликан.

Лотгар со вздохом облегчения откинулся на спинку кресла.

– Хвала Одину, – прошептал он. – Мне тоже все равно. – Он потянул себя за бороду и снова уставился на Гислу.

Она выдержала его взгляд. Все шло точно так, как обещал Арвин. У них больше никого не было.

– Придется дать тебе имя, дочь Лиока, – проворчал Лотгар. – Как мы тебя назовем?

Она не знала, как должны звать дочь Лиока, и потому промолчала.

Снова заговорил Ликан.

– Назовем ее Лиис. В честь нашей матери. Думаю, это она послала нам девочку, – торжественно сказал он.

– Лиис из Лиока, – буркнул Лотгар. – Подходящее имя.

– Иди сюда, девочка, – потребовал Ликан.

Она подошла прямо к креслу ярла. Лотгар вытащил из голенища клинок и резанул по большому пальцу.

– Боги сказали свое слово. Я не стану отказываться от такого дара.

Он размазал по ее лбу свою кровь и в знак благословения накрыл ее голову своей широкой ладонью.

– Отныне ты Лиис из Лиока.

* * *

Ярл Лотгар передал Гислу жене, красивой женщине таких же лет, что была ее мать. Окинув девочку быстрым взглядом, жена ярла кликнула Лагату и Лисбет, и на зов, шелестя юбками, прибежали две старухи. При виде Гислы они изумленно застыли.

– Ох, леди Лотгар! Так это правда? Мы думали, Ладло все выдумал, – залопотали они, перебивая друг друга.

– Мы приготовим девочке ванну и подберем ей одежду, – распорядилась жена Лотгара, и старухи, кивая и приседая, провели Гислу и свою госпожу вверх по лестнице, в спальню, где стояла маленькая железная ванна.

Часть пола в комнате лебедкой опускалась на нижний этаж. Там на нее ставили ведра с горячей водой из прачечной и поднимали обратно, так что старухи в мгновение ока сумели наполнить ванну.

– Залезай, дитя, – велела леди Лотгар.

Гисла попыталась влезть в ванну, не снимая одежды, но старухи, квохча и бранясь, налетели на нее, словно воры, и сорвали штаны и блузу Хёда. Она скользнула в ванну и погрузилась в воду, смущаясь своей наготы. Кожа плотно обтягивала острые кости ее плеч, ребер, бедер, тоненькие ноги с широкими узлами коленок. В блузу и штаны Хёда она облачилась в спешке. Она не видела себя без одежды с тех пор, как... как... Она не смогла вспомнить. Это было еще до того, как в Тонлис пришла смерть.

– Кожа да кости! – вскрикнула Лагата. Или Лисбет.

– Да... ее одежда не годится, – забеспокоилась леди Лотгар. – Ей не будет впору ни единое платье из всех, что найдутся у нас в деревне. И потом, надо ее принарядить. Мы не можем послать ее в храм в мальчишеской одежде.

Когда Гисла погрузилась в воду, руна, которую вырезал у нее на ладони Хёд, отозвалась резкой болью. Но Гисла не посмела взглянуть на нее. Хёд велел держать ее подальше от чужих глаз, и она так и сделала. От одной мысли о руне ей становилось спокойнее.

– Конечно, нет, леди Лотгар. Конечно, нет. Ее нужно одеть в цвета клана, – сказала Лагата.

– Но на это нужно время. Когда лорд представит ее королю? – возразила Лисбет.

– Слухи уже поползли. На рассвете Лотгар повезет ее в храм. Он говорит, что, пока она здесь, мира не будет, и я полагаю, что он прав, – нервно ломая руки, ответила леди Лотгар. – Откуда же ты пришла, дитя? – спросила она недоверчиво.

– Я из Лиока, – сказала Гисла.

Леди Лотгар ждала, ее синие глаза испытующе бегали, но Гисла упорно молчала и не отвечала больше ни на какие вопросы, так что жена ярла в конце концов оставила ее на попечение старух и пообещала подобрать подходящую одежду.

– Постарайтесь распутать ей волосы. Она должна оставаться здесь. Лотгар выставил стражу, чтобы отпугнуть любопытных, – сказала она, выходя из спальни, и закрыла за собой дверь.

Старухи возбужденно болтали, пока мылили и терли волосы Гислы. Словно не понимая, что она их слышит, – взрослые часто ведут себя так с детьми, – служанки болтали о том, что значит появление в Лиоке маленькой девочки.

– Она взялась просто из ниоткуда! – изумлялась Лагата.

– Уж будь уверена, это дар небес, – прибавляла Лисбет. – Она похожа на дочерей Лиока. А не на дочерей других кланов.

– Да, да. Правда, вид у нее чуточку болезненный.

– Ничего такого, чего не исправить хорошим сном и сытным обедом. А глянь-ка, какие глаза! Да она красавица. Кто ж ты *такая*, дитя? – настаивала Лисбет.

– Я Лиис из Лиока, – вяло ответила Гисла, и женщины на пару мгновений смолкли.

– Быть может, у нее с головой неладно, – пробормотала Лагата.

– Нынче у всех у нас с головой неладно, – отвечала Лисбет.

Оттерев Гислу почти дочиста, Лагата велела ей вылезти из ванны, завернула в одеяло и усадила на табурет у огня, что развела Лисбет. Они втерли ей в волосы масло и, выждав несколько минут, принялись осторожно распутывать их гребнями и просто руками. Когда они закончили, волосы блестящим покрывалом легли ей на спину.

Они вычистили грязь, застрявшую у нее между пальцами рук и ног, и отшлифовали ногти небольшим камнем. Когда Лагата взяла ее за руку, она, сама того не желая, фыркнула от резкой боли, но старухи, казалось, не заметили руну. Они решили, что это след от побоев, и вновь заохотали, заохали, окружая Гислу заботой.

Закончив возиться с ее волосами, они намазали ей ладонь целебной мазью и перевязали ветхой тряпицей.

Леди Лотгар вернулась с супом, хлебом и ночной рубашкой, одолженной у чьего-то маленького сына. Рубашка была чистой и белой, заношенной и очень мягкой. Женщины натянули на Гислу рубашку и усадили есть.

К концу трапезы Гисла устала так, что глаза у нее смыкались сами собой. Ее уложили на кровать в углу комнаты.

– Спи, Лиис из Лиока, – велела леди Лотгар, и в ее голосе вновь послышалось изумление. – Здесь тебя никто не обидит.

Они ушли, и Гисла на время осталась одна. Она была признательна им за это, хотя и знала, что они караулят прямо за дверью.

Она попыталась было спеть для Хёда, вызвать его, проверить их связь, но заснула прежде, чем сумела пропеть хоть одну ноту.

* * *

Женщины подыскивали платье из ткани зеленого лиокского цвета и нарядили ее так, словно ей предстояло стать женой короля. Волосы, заплетенные в косы, свернули в сложную прическу, а щеки нащипали, чтобы они казались румяными, – хотя путникам предстояло провести в седле много дней. Проводить их вышли все жители деревни. Они веселились и приветствовали ее как принцессу. Быть может, они просто радовались, что им удалось уберечь собственных дочерей.

Лотгар спросил, сможет ли она сама ехать верхом, и, когда она кивнула, усадил на старую лошадь, столь смирную, что сон от бодрствования у нее отличался лишь тем, что во сне кляча не перебирала ногами. Ярл Лотгар ехал первым. Длинная плетъ его косы незаметно для глаз переходила в длинную плетъ хвоста его коня. И коса, и конский хвост были одного цвета.

У всех людей Лотгара были длинные косы. Ликан объяснил, что по традиции, когда король Сейлока умирает, мужчины всех кланов в знак скорби обрезают себе волосы. Длинные тугие косы, прежде лежавшие у воинов на спине, исчезают. Косу можно растить, пока правит один король, но потом ее срезают в знак окончания одной эпохи и начала другой.

В Сейлоке продолжительность правления короля определяют по длине кос его воинов.

– Король Банрууд правит уже пять лет. Но он молод и будет править еще долгие годы, – сказал Ликан.

Лотгар недовольно заворчал.

– Тише, брат, – предупредил Ликан.

Гисла решила, что Лотгар не слишком уважает короля.

– Хранители Сейлока вообще не отпускают волос, – сказал Лотгар через плечо так, чтобы она поняла, что он обращается к ней. – Их головы всегда гладки. Тот, кто отращивает косу, выражает преданность королю. Задача хранителей – держаться отдельно. Дочерей кланов тоже будут держать отдельно. В храме.

Они провели в пути три дня. Ночевали под открытым небом, и каждую ночь, пока она спала, мужчины стояли вокруг нее караулом. Почти так же, как камни Хёди.

– Пока ты среди моих людей, тебя никто не тронет. Ни одного волоска не упадет с твоей головы, – обещал Лотгар.

Обещание вселяло покой, и она ему верила. Лотгар был добрым и шумным, люди его любили. Ей он тоже нравился: он следил, чтобы ее хорошо кормили, чтобы за ней приглядывали, и не требовал, чтобы она говорила.

К ней возвращался аппетит, и она съедала все, что давали. Но она перестала говорить и не отвечала на вопросы, которые без конца задавали ей все вокруг. Теперь она была Лиис из Лиока: таков был ее обычный ответ на любые расспросы. Она верила, что Лотгар и его люди, подобно старухам в доме ярла, тоже считают ее глупой или верят, что она пережила нечто страшное. Ей и самой так казалось, но молчание представлялось ей лучшим из ответов. Если она не говорила, то и не врал. А сказать правду она не могла. Им всем была нужна дочь Лиока. Им не нужна была девочка, бежавшая от мора.

Ликан старался ее обучить, словно знал, что она не та, кем ее хотят видеть. Он много говорил о ярлах – об их кланах, их цветах, о животных, в честь которых они были названы. Лиок – лев, Адьяр – орел, Берн – медведь, Долфис – волк, Эбба – вепрь, Йоран – конь. Пока он рассказывал, Гисла представляла себе звезду, которую начертил на песке Хёд.

– Тебе известна легенда о Хёде? – спросила она у Ликана, когда он закончил. Ликан изумленно взглянул на нее.

– Да она разговаривает, – буркнул он.

Она тут же пожалела о том, что раскрыла рот.

– О слепом боге Хёде? – спросил Ликан.

Гисла лишь чуть кивнула, но этого оказалось достаточно, чтобы Ликан вновь заговорил:

– Да. Я знаю о Хёде. Знаю обо всех богах.

– Кто-то верит, что мальчик из храма – бог, – вмешался один из людей Лотгара. – Поговаривают, что он сын Тора. Многие считают, что хранителям нужно сделать его королем. Вместо Банрууда.

– Я видел, как он однажды поборол многих мужчин, – сказал другой воин.

– То, что происходит во дворе дома, не называют борьбой, – буркнул Лотгар.

– Но ведь он еще в детстве убил человека, ярл Лотгар! И не одного, – возразил еще один воин.

– Он еще ребенок, хоть и размером с мужчину, – сказал Ликан. Взглянув на Гислу, он, по своему обыкновению, пояснил: – Его имя Байр. У него нет клана. Его вырастили хранители. Все зовут его мальчиком из храма.

– Силой он не похож на других людей. Его сила превосходит все мыслимые пределы, – признал Лотгар.

– Брат, он едва говорит. Заикается, словно безмозглый дурак, – сказал Ликан.

– Боги несовершенны, Ликан. Сыновья Одина даровиты, но не безупречны.

– Хёд был слеп, – мягко напомнила Гисла, и на мгновение все стихли, обдумывая ее слова.

– Байр не бог. Он ребенок, – настойчиво повторил Ликан.

– О да. Ребенок, которого боится король, – сказал Лотгар и рассмеялся, словно эта мысль доставляла ему удовольствие.

* * *

Храмовая гора вздымалась над дорогой. Она была покрыта зеленью и так высока, что вершина терялась среди облаков, и от этого казалось, что гора проткнула сумеречное небо. Но при виде этого зрелища ахнула одна только Гисла. Люди Лиока уже бывали здесь, хотя и обрадовались, снова увидев гору.

– Вот Храмовая гора, – сказал Лотгар. – Слева, над стеной, виднеются шпили и купол. Справа – обитель короля, замок Сейлок. С горы видны все земли кланов во всех направлениях. Неплохое место для жизни, Лиис из Лиока.

Он произнес ее новое имя так, словно оно было настоящим, хоть оба они и знали, что оно поддельное. *Это всего лишь имя*, подумала она. *Просто имя*. Даже чем-то похожее на *Гислу*. Оба срывались с языка с похожим шипением. Правда, ее настоящее имя, *Гисла*, произносил у нее в голове материнский голос, а вот *Лиис* слышалось как проклятие, краткий, оборванный шепот. Оборванная жизнь. Нет, она не испытывала *ненависти* к этому имени. Оно напоминало ей одежду Хёда. Не слишком ей подходило. Быть может, она до него дорастет. Или вырастет из самой себя.

– Теперь ты поедешь со мной, Лиис из Лиока, – сказал Лотгар. – Так я сумею лучше тебя защитить. Я хочу, чтобы король Банрууд видел, что ты под моей защитой. И теперь... и потом, когда я уеду.

Ликан спешил, снял ее с мирной клячи, пересадил на коня ярла, перед Лотгаром, а сам снова вскочил на лошадь. Конь Лотгара в знак приветствия тряхнул золотистой гривой и

фыркнул. Лотгар обхватил ее за талию своей огромной рукой, крепко прижал к себе, и они начали подниматься в гору, к воротам храма и постройкам, стоявшим за стенами.

Они приближались к воротам, а гора все росла. Она была куда больше, чем казалось из стоявшей у ее подножия королевской деревни. Храмовые шпили тянулись вверх, за облака, и от этого вершина горы казалась еще выше и уже. Правда, вся вершина и плоское плато за стенами скрывались в тумане. Это напомнило ей песню, в которой Один выхватил меч и отсек голову великану: *Пал великан на колени, выставив руки вперед, спина его стала плоской, и Один превратил его в стол, чтобы пришел весь мир и пировал и ел досыта.*

Храмовая гора и была столом, к которому приходил пировать и есть досыта весь Сейлок. Здесь встречались жители Сейлока – точнее, его мужчины. Женщин Гисла пока не видела. Всюду, куда она ни смотрела, ей попадались одни мужчины, и кони, и косы, и кожи, и щиты, и разные виды оружия.

– Дорогу Лотгару, ярлу Лиока, – прогремел со стены чей-то голос.

Под звуки фанфар они въехали за подъемные ворота и оказались по другую сторону стены.

Возле замка раскинулся целый лагерь – золотые шатры Адьяра, красные шатры Берна, синие шатры Долфиса, оранжевые шатры Эббы, коричневые шатры Йорана и зеленые шатры Лиока, – но лившийся с неба, словно выхолощенный свет лишал истинного цвета и цветную ткань, и яркие флаги, и все вокруг. Здесь были лишь огонь и камень, храм и замок – и булыжная площадь между ними.

Часть людей Лотгара двинулась к шатрам, обсуждая ужин, мечи да ноги, болевшие после стольких дней в пути. Лотгар и его брат, единственный из воинов, кого она знала по имени, не спешиваясь, стояли посреди площади. Она оставалась при них.

– Мы прибыли последними? – спросил Ликан, но его тут же прервал донесшийся со стен звук трубы.

– Дорогу Айдану, ярлу Адьяра, и королеве Сейлока Эсе, – прокричал дозорный.

Во двор въехал юноша на белой, задрапированной золотой тканью лошади. За ним следовала пожилая дама с надменно задраным вверх подбородком, в желтом плаще, сиявшем в отсветах факелов.

– Адьяр прислал мать Аланны, старую королеву, – сказал Лотгар прямо над головой у Гислы. – Аланны больше нет, и принцессе теперь без нее не обойтись.

Какой-то воин помог даме спешиться, и она решительным шагом пошла в замок, словно к себе домой. Проводив ее взглядом, сын обернулся к своим людям и отослал их в лагерь. Сам он, подобно ярлу Лотгару, так и не слез с лошади. Коса у него была светлой и длинной, как у Лотгара, но на этом сходство двух ярлов заканчивалось. Айдан был так молод, что годился Лотгару в сыновья. Лотгар был широк, а Айдан из Адьяра словно весь состоял из углов. Волосы узким треугольником спускались ему на лоб, им вторили острый кончик носа и не менее острый подбородок. Айдан был красив, как бывает красив орел. Он казался истинным сыном своего клана.

– Он привез королеву... но, кажется, не привез дочь, – задумчиво проговорил Ликан, оглядывая закутанных в желтое воинов, окруживших своего ярла.

– Банрууд не обрадуется, – торжествующе заметил Лотгар.

– Из-за королевы или из-за девочки? – спросил Ликан.

– Из-за обеих, брат.

– Айдан Банрууду не помеха. Ему никогда не быть королем. Горластый мальчишка вечно задирает короля лишь оттого, что верит, что ему все сойдет с рук.

Гисле хотелось смотреть по сторонам не мигая, чтобы ничего не пропустить, но в то же время хотелось закрыть глаза, спрятаться, ничего не видеть.

– Мне все равно, что будет, а значит, я ничего не боюсь, – сказала она себе и решила не закрывать глаз.

Вскоре Гисла отыскала в толпе еще четырех девочек, сидевших на спинах коней, перед воинами, точно так же, как и она сама. Четырех узкоплечих, склонивших головы девочек. Все они были младше, чем она.

На ступенях лестницы, окружавшей храм, рядами стояли мужчины в балахонах, с обритыми, как у Хёда, головами и обведенными черным глазами. Соединив руки, они смотрели прямо перед собой.

Это хранители, решила она.

– Да, – отвечал Лотгар, и она поняла, что произнесла это вслух. Он потрепал ее по волосам. – Не бойся, – прибавил он, но в его грубоватом тоне звенела вина.

Все лица на площади слились воедино. Все люди – с косами, обритые наголо, в балахонах, верхом – стали единым целым, и, когда зазвучала труба и зазвенели колокола, все разом повернулись к королевскому замку, ожидая... и повинуюсь. По толпе разлились смирение, покорность, молчаливое отчаяние, и, хотя Гисла это почувствовала, она никак не могла понять, в чем же дело. Ей стало страшно, и конь Лотгара, почувствовав ее страх, вскинул голову.

– Я хочу уйти. Хочу слезть, – настаивала она.

– Скоро, девочка, скоро. Идет король.

6 кланов

– Я не привез дочь Адьяра, – сказал Айдан из Адьяра и подстегнул коня, чтобы поприветствовать короля. – У тебя уже есть одна, государь.

Король вздернул бровь и скрестил на груди руки. Это был высокий, широкоплечий, крепконогий мужчина. Его темные, зачесанные назад волосы рассыпались по плечам – этим он отличался от всех прочих мужчин на Храмовой горе. Правда, Лотгар, фыркнув, шепнул, что король слишком уж похож на женщину.

Он не был похож на женщину. Гисла припомнила, что раньше, прежде чем стать королем, он был ярлом Берна, клана Медведя. Размерами он и правда не уступал медведю. Голову одетого во все черное Банрууда венчала шипастая корона.

– Моя сестра, королева Аланна, родила дочь, – продолжал ярл Адьяра. – Эта дочь живет здесь, на Храмовой горе. Принцесса Альба – дитя Адьяра и может представлять наш клан в храме. Она может представлять Адьяр. Мы уже многое отдали. У нас не осталось других дочерей.

– И все же ты приехал, Айдан, – сказал Банрууд. В его словах сквозило презрение. – Зачем ты здесь, брат?

– Меня привело любопытство. Вижу, ярлы послушались своего короля.

– Все, за одним исключением, – ответил Банрууд.

– Я привез тебе женщину, – мягко, но не без насмешки произнес Айдан. – Только она... не молода. Моя мать, королева Эса, приехала помочь с воспитанием принцессы. Она считает, что для присмотра за ее внучкой тебе нужна женщина. Если только... ты не намерен взять новую жену, государь. Быть может, одну из присланных тебе дочерей кланов?

Король махнул рукой, показывая, что разговор окончен, словно ему больше не было дела до Айдана из Адьяра. Он двинулся дальше, к ярлу Эббы. Тот уже спешил и стоял рядом с девочкой в плотном темно-коричневом платье с оранжевой каймой.

– Эрскин выглядит усталым, – заметил Ликан, повернувшись к Лотгару.

– Дела в Эббе все хуже. Он уедет с рассветом. У него нет времени на этот спектакль.

– Это Элейн из Эббы, – сказал ярл, представляя королю девочку и слегка ему кланяясь.

Элейн из Эббы присела в глубоком книксене, не поднимая глаз на короля. Ее ярко-рыжие волосы пламенели, оттеняя бледную кожу. Глаза казались заплаканными. Она была высокой и худенькой, с тонкой талией. Гисла сочла Элейн своей ровесницей, хотя та и была гораздо выше ростом.

– Она родилась до напасти, – пробормотал Лотгар, и Ликан хмыкнул, соглашаясь с ним.

– Но только она. Остальные родом совсем не из Сейлока.

– Ничего не поделаешь, брат, – сказал Лотгар.

Банрууд перешел к следующему ярлу, из Берна. Девочка, с головы до ног укутанная в красную ткань, не сводила глаз с приближавшегося к ней короля.

– Волосы у нее курчавые, а кожа темная, – шепнул Лотгар с ухмылкой. – Бернского в ней не больше, чем во мне.

– Кто это, Бенджи? – спросил Банрууд.

Девочка его совсем не боялась. Она не сводила с него лишенных всякого выражения глаз.

– Это Башти из Берна. – Ярл положил руку девочке на спину, подтолкнул ее вперед. Но она лишь покачнулась и не двинулась с места.

– Башти... из Берна? – переспросил Банрууд.

– Башти из Берна... думаю, это дочь Кембы, – отвечал ярл.

– Раз она дочь Кембы, то не дочь Берна. К тому же Кемба – король, – не согласился Банрууд. – Сомневаюсь, что девчонка от Кембы. Но если тебя, брат, все устраивает, я спорить не стану.

– Быть может, когда она вырастет, мы сумеем заключить союз, – предположил Бенджи.

– Быть может. Если у нее есть утроба, то из нее вырастет женщина. Этого мне достаточно. – Банрууд повысил голос: – Вы все понавезли мне чужеземных утроб, чтобы они рожали нам другие утробы?

Никто не ответил.

– Вы притащили мне отбросы и пленных, – усмехнулся король. – Все, кроме Эрскина, хотя у него есть оправдание получше ваших. Его воины даже теперь сражаются с гончими псами, а он все равно исполнил мою волю и привез мне дочь Эббы.

Ярлы, явно обиженные этими словами, молча смотрели на короля.

– Ты велел найти дочерей. Мы нашли дочерей, государь, – буркнул Дирт из Долфиса.

– Ну, значит, нашли, – сказал король Банрууд и пожал плечами, словно нехотя даруя ярлам прощение.

Ярл Долфиса представил дочь своего клана, Далис, которую он привез в храм. Стоявшей рядом с ним черноглазой черноволосой девочке было не больше шести. Она цеплялась за руку ярла и с печальной покорностью глядела на короля. Ярость вскипела в горле у Гислы, сковала ей спину. Король ей не нравился.

Банрууд подошел к ярлу Йорана, сложив за спиной руки, словно выбирая годный в пищу кусок конины.

Девочку, которую привез ярл Йозеф, звали Юлией. Ее длинные темные волосы были заплетены в такую же тугую косу, как и у воинов, что собрались на Храмовой горе. Король спросил, правда ли ее «воспитали мужчины».

– Да, государь, – ответил ярл Йорана, не сводя с Банрууда жесткого взгляда. – Сушая правда. Ее дед – Йером, он рыбак. Десять лет назад, когда они с сыновьями забрасывали сети, на берег Йорана высадились гончие псы. Печальная участь не миновала жену и дочь Йерома. Жена погибла, а дочь... забеременела от разбойников. И умерла в родах. Девочку воспитали Йером и двое его сыновей.

Наконец король подошел к Лотгару. Тот положил руку на плечо Гисле, но она сразу же отстранилась.

Она не его собственность. Заметив, как Гисла отшатнулась от ярла, король усмехнулся, и она тут же пожалела о своем порыве. Будет лучше, если никто здесь не узнает, что она чувствует на самом деле. Ее чувства – единственное, что до сих пор принадлежало ей, и она поклялась, что больше не станет показывать их незнакомцам. А сейчас вокруг нее стояли одни незнакомцы.

Днем, когда процессия из Лиока начала подниматься в гору, Гисла распустила волосы, и они легли ей на плечи длинными свободными прядями. Тогда она решила, что в зеленом платье, которое добыла для нее леди Лотгар, сумеет затмить других дочерей. То было самое красивое платье из всех, что она надевала в жизни. Подготовка к отъезду отвлекла ее от тревог, от поселившейся глубоко внутри пустоты. Но теперь она жалела, что не осталась в старых штанах Хёди и в его блузе. Жалела, что у нее на голове не было больше спутанного грязного колтуна, который расплели женщины из Лиока. Та девчонка осталась бы Гислой, даже если бы ей сменили имя. Но в этом платье с чужого плеча, с гладкими чистыми волосами она превратилась в Лиис из Лиока. От Гислы в ней больше ничего не было.

– Король Банрууд, позволь представить тебе Лиис из Лиока, – сказал Лотгар.

Король смерил ее равнодушным взглядом, но, когда он заговорил, в его голосе слышалось недоуменное восхищение:

– Сколько ей лет, Лотгар? Она похожа на женщин твоего клана: золотые волосы, синие глаза, дурной нрав. Разве не таковы все женщины Лиока?

– Ей десять лет, государь, – наобум заявил Лотгар.

Король недоверчиво вскинул брови:

– Где ты нашел ее, Лотгар?

– Ее даровал мне Один, государь. – Окружавшие Лотгара мужчины расхохотались, но король скривился, раздраженный бессмысленным объяснением ярла.

– Откуда ты, девочка? – спросил у Гислы король.

– Я Лиис из Лиока, – сказала она, не отводя взгляда.

Глаза у него были черные, немигающие. Гисле показалось, что, глядя на короля, она летит в бездну.

– Хорошо. Теперь ты Лиис из Сейлока. Лиис с Храмовой горы. Однажды ты станешь настоящей красавицей. Мне не терпится это увидеть.

– Она и теперь Лиис из Лиока, государь, – возразил Лотгар, но в его словах не было больше смысла, и все это знали. Он все равно оставит ее на Храмовой горе.

– Они будут жить в замке, под моим присмотром, – сказал Банрууд, возвысив голос, так, чтобы его услышали все собравшиеся. А затем двинулся к своему дворцу, словно давая понять, что разговор окончен.

– Ты говорил, что их вырастят хранители, – возразил Лотгар. – В храме.

– Они будут расти с моей дочерью, в моем доме, – парировал Банрууд. – Теперь все они – принцессы Сейлока.

По толпе представителей кланов пронесся ропот, и король жестом подозвал к себе охрану.

– Отведите дочерей в замок, – приказал он. – Их ждет пир.

– Они послушницы храма, – пророкотал чей-то голос, и стражи короля застыли, не зная, как поступить.

Посреди площади, в свете полной луны, стоял глубокий старик. Черные глаза и черные губы зияли у него на лице, словно ямы на светлом песке. Пока король осматривал девушек, он вместе с братией сошел со ступеней храма, но толпа, отвлекшись, ничего не заметила.

– Таков был уговор. Они будут жить в храме, под опекой хранителей, – продолжал старик.

От его скрипучего голоса волосы на затылке у Гислы встали дыбом, но она никак не могла понять, что чувствует – страх... или восхищение. В отличие от хранителей, он был одет в черное. Цепкой рукой он сжимал короткий посох, усыпанный драгоценными камнями. Волос у него не было, а бледная кожа, казалось, стекала с его лица и таяла в свете луны. Но его голос был силен, а власть еще сильнее. Ярлы, завидев его, сразу осмелели.

– Верховный хранитель прав, Банрууд. Таков был уговор, – повторил Айдан, так и не слезший с коня.

Король уже давно отослал его, но он не двинулся с места.

Верховный хранитель. Значит, этот старик – мастер Айво.

– У Адьяра в этом деле нет права голоса, – бросил король. – Ты прибыл на Храмовую гору с пустыми руками.

– Я обещал матери этой девочки, что она будет жить в храме, что вырастет под защитой святилища, – возмущенно молвил Эрскин из Эббы.

– То же самое я обещал деду Юлии, – сказал Йозеф, взглянув на девочку с косой воина.

– Эти дочери кланов будут воспитаны как принцессы, – произнес Банрууд, указывая на дрожавших от страха девочек. – Они будут расти вместе с моей дочерью.

В этот самый миг, словно повинаясь заранее продуманному плану, из-за арок, венчавших парадную лестницу королевского дворца, выскочила маленькая девочка в крошечной короне.

При виде собравшихся на площади ярлов со свитами она, едва не упав, застыла на месте и горделиво, словно актриса на авансцене, глянула на толпу.

По площади пронесся вздох восхищения. Гисла вздрогнула от неожиданности.

Девочка, светловолосая, темноглазая, с медовой кожей, казалась ненастоящей. Природа не могла создать такого сочетания цветов – но все же создала, и оно представлялось совершенно гармоничным.

Следом за девочкой на площадь выскочил юноша с длинной косой воина. Девочка, вероятно, сумела улизнуть из-под его опеки. При виде потрясенной толпы он тоже застыл. У него были широкие плечи и узкие бедра, крепкие, мускулистые руки и ноги, но голубые глаза смотрели открыто, будто глаза ребенка, а кожа оставалась по-детски гладкой. Он казался мальчиком в теле мужчины.

Это мальчик из храма, подумала Гисла. А маленькая девочка – принцесса Альба.

Ярлы упали на колени. Айдан из Адьяра, не говоря ни слова, соскочил с коня. Все они коснулись лбами земли, а их косы, отросшие за пять лет правления Банрууда, свернулись кольцами в пыли возле их голов. Король поднялся по лестнице и поднял принцессу на руки. От неожиданности все ее маленькое тело словно застыло.

Лотгар потянул Гислу за руку, вынуждая ее преклонить колени. Другие девочки тоже медленно опустились на землю. Им явилась принцесса, надежда Сейлока. Король поднял Альбу повыше, напоминая собравшимся о том, что он – а не хранители – сумел им дать.

– Дочери будут жить в замке с принцессой Альбой, – повторил он.

– Нет, государь. Их воспитают хранители, – вновь возразил мастер Айво.

Верховный хранитель не опустился на колени. Этого не сделал ни один из хранителей. Они стояли перед королем, не сгибаясь, и Банрууд, нахмурившись, поднял дочь еще выше, к самому небу. Альба вскрикнула, и мальчик из храма поморщился, не сводя настороженных глаз с ее небольшой фигурки.

– Дочери Фрейи – богини плодородия и деторождения, супруги Всеотца Одина, – мы приветствуем вас, – воскликнул Айво и, отвернувшись от короля, двинулся через двор к массивному каменному очагу, мрачно высившемуся посреди площади.

Хранители как один последовали за ним, словно заранее готовились к церемонии.

– Этих дочерей кланов, дочерей Фрейи, будут беречь и почитать, их целомудрие будет под надежной защитой. Подобно рунам, они тоже станут символом Сейлока, – пророкотал верховный хранитель.

Он разрезал себе ладонь и своей кровью начертал на очаге руны. Руна обратилась в пламя, взметнулась вверх ревушим столбом. Ярлы и воины ахнули, а Гисла едва сумела сдержать крик.

– Сейлоку нужны дочери! – воскликнул мастер Айво. – Ярлы Сейлока, с этого дня дочери Фрейи – ваши дочери – будут поддерживать здесь огонь. Пока он горит, вы будете знать, что ваши дочери под защитой, что хранители Сейлока берегут их. И Сейлок будет жить. Мы будем беречь их так же, как чтим принцессу, – прибавил мастер Айво чуть погодя уже новым, смиренным тоном.

И все же в его глазах читался вызов. Свет от огня выхватывал из темноты девочку на руках короля Банрууда, усыпанная самоцветами корона на ее голове радужным блеском освещала лица хранителей. Стоявшие на коленях ярлы закивали, поглядывая то на короля Банрууда и его дочь, то на верховного хранителя.

– Байр из Сейлока, мальчик, воспитанный здесь, на Храмовой горе, и благословенный невиданной силой, станет защищать их так же, как защищает принцессу, – пообещал верховный хранитель, простирая руку к мальчику, словно хотел явить ярлам еще одно чудо.

Мальчик из храма просто опустился на одно колено и склонил голову, словно его посвящали в рыцари. Но этого было достаточно, и ярлы поднялись с колен, кивая и сжимая свои

косы, словно рукояти спрятанных за спиной мечей. Стиснув свою косу в знак обещания, Байр по очереди встретился взглядом со всеми ярлами.

– Их будет защищать мальчик из храма! – выкрикнул Айдан, выпустив из рук косу и поднимая к небу кулак.

Его примеру последовали ярлы Эббы, Долфиса, Лиока и Йорана, и только Бенджи из Берна неуверенно переводил взгляд с короля на заполнивших площадь мужчин. Наконец и он тоже – медленно, словно с опаской – поднял к небу кулак в знак одобрения.

– Отныне мы станем звать их дочерьми Фрейи. Они будут светочем кланов, – прогремел Лотгар над ухом у Гислы, произнося сказанное верховным хранителем так, словно то были его собственные слова.

Принцесса извивалась, пытаясь вырваться из рук Банрууда, и он наконец поставил ее на землю. Его лицо исказила гримаса презрения. Альба бросилась по лестнице вверх, к мальчику из храма. Она выбрала его и этим как бы завершила обряд посвящения. Байр выпрямился и, взяв девочку за руку, вновь поклонился ярлам, верховному хранителю и – напоследок – королю. За все это время он не проронил ни слова.

– Да будет так, мастер Айво. Я доверяю дочерей Сейлока твоим заботам и заботам хранителей Сейлока, – согласился король Банрууд, хотя в его голосе и слышалась насмешка. – Не подведи меня. Не подведи их. – Он указал на девочек. – Но если хотя бы с одной из дочерей что-то случится, ярлы и народ Сейлока будут знать, кого в этом винить.

* * *

Гисла не попрощалась с Лотгаром и его людьми. Даже не обернулась на них. Она была слишком зла. Арвин сказал, что у Лотгара есть свои дочери. Но он не привез их сюда, не отдал их на воспитание безволосым хранителям в лиловых балахонах, с бездонными глазами. Он не отдал своих собственных дочерей в залог безжалостному королю.

Гислу и еще четырех девочек – Элейн, Юлию, Башти и Далис – провели вверх по каменной лестнице и ввели в храм. Смирение, охватившее представителей кланов и хранителей, сопровождало детей на всем пути к каменному зданию. Оно вцепилось в их маленькие фигурки подобно черной птице с острыми когтями и злым крикливым клювом. А потом двери у них за спиной закрылись.

Они не плакали. Не плакала даже самая младшая из них, Далис из Долфиса. Казалось, она привыкла, что ее передают из рук в руки, и даже чувствовала себя в храме свободнее, чем все остальные. Они не задавали вопросов. Все они словно смирились со своей судьбой, какой бы она ни была. Правда, справлялись со своим бременем все по-разному.

Едва двери храма закрылись, как хранители, что вели себя на парадной площади столь царственно и молчаливо, разбежались, будто испуганные мыши. Казалось, ни один из них не знал, что делать с пятью маленькими девочками. Мастер Айво пролаял какие-то указания единственному хранителю, нашедшему в себе силы остаться при детях. Его звали Дагмаром. Девочек провели в обеденный зал, пустынное, похожее на пещеру помещение, и подали им простой ужин.

В храме Гислу, как и прежде, сочли куда более маленькой, чем на самом деле. Хранители решили, что она младше Элейн – быть может, ровесница Юлии, точно старше Башти и Далис. Элейн сказала, что ей двенадцать. Значит, на самом деле четырнадцатилетняя Гисла была среди них самой старшей.

Гисла не стала никого разубеждать. Ей никогда больше не хотелось говорить правду, во всяком случае правду о ее прежней и нынешней жизни. К тому же роль старшей явно лучше подходила Элейн. Элейн *выглядела* как старшая и казалась поистине доброй девочкой, готовой

стараться изо всех сил, – хотя по ее бледному лицу и красным глазам было понятно, что ей знакомы и страх, и грусть.

Юлия из Йорана обдавала всякого, кто смотрел на нее, враждебностью – в противовес Башти из Берна, которой, напротив, хотелось, чтобы все на нее смотрели.

Башти примерила на себя роль шута и принялась жонглировать яблоками, лежавшими на столе, за который усадили всех девочек. Жонглировала Башти довольно ловко, и Далис ей захлопала, но Юлия перехватила одно из яблок, подброшенных Башти, и та сбилась с ритма. Юлия дерзко откусила от яблока такой огромный кусок, что сок брызнул во все стороны, а кусочки мякоти, пока она жевала, вываливались у нее изо рта.

Башти вскипела из-за грубости Юлии, но Элейн встала между дочерьми Берна и Йорана, пытаясь их помирить. В конце концов девочки доели свой ужин в изможденном молчании, не поднимая глаз от тарелок. Они дрожали от страха в неверном свете свечей и вслушивались в беседу мастера Айво с Дагмаром: те обсуждали их дальнейшую судьбу.

Верховный хранитель и Дагмар хранили молчание, пока хранители, готовившие ужин, не вышли из обеденного зала. Подобно многим мужчинам, не привыкшим к обществу женщин, они сочли, что девочки не обращают внимания на их беседу или попросту ее не слышат. Но Гисла, склонившись над своей тарелкой, ворочая ложкой в жидком супе, набивая голодный живот хлебом, внимательно слушала каждое слово. И чувствовала, что и другие девочки тоже слушают.

– Я верил, что ярлы не покорятся королю, – сказал хранитель Дагмар.

То был красивый мужчина со светлыми голубыми глазами. Его кожа не отличалась той же бледностью, что у других хранителей. Казалось, что он моложе, чем большинство его братьев. Правда, верховный хранитель был настолько стар, что в сравнении с ним любой человек казался юнцом.

– Я знал, что они не покорятся. И ты тоже знал, Дагмар, – презрительно бросил верховный хранитель. – Ярлы боятся. Сейлок боится. Отдав по дочери от каждого клана – по девочке, удочеренной кланом, – ярлы пытаются побороть безликого врага, сохранить жизнь, договориться с богами. Приведя дочерей в храм, они закапывают в землю золото, зашивают в полу плаща драгоценности, запасают зерно на случай неурожая.

– И что же нам делать, мастер? – встревоженно спросил Дагмар, оглядывая девочек, сидевших за дальним концом стола в тусклом свете свечей.

– Они послушницы, Дагмар. Будем обращаться с ними как с послушницами, – отвечал Айво.

– Они не послушницы! А дети, оторванные от семьи и от дома.

Айво вздохнул:

– Мы ничего у них не просим, Дагмар. Ничего. Мы просто будем их оберегать.

Дагмар помотал головой. Когда он снова заговорил, в его тоне слышалась мука:

– Я не могу защитить Байра. Не могу защитить этих девочек. Ты видел сегодня короля. Байр в его власти. И девочки в его власти. Он использует их, чтобы стать еще сильнее. Это уловка, мастер.

– Только для короля, Дагмар. Не для меня. И не для Сейлока.

– Но ведь они просто дети, – сказал Дагмар. – Разве мы можем так поступить?

– Можем. И поступим. А когда король уедет в Эббу, ты приведешь из полей женщину-тень. Она нам поможет.

* * *

После ужина хранитель Дагмар разложил у очага в кухне пять соломенных тюфяков. Хранители пока не приготовили для девочек постоянного помещения: в других комнатах было темно и холодно.

Самые младшие девочки метались и ворочались во сне. Элейн стонала, словно ей снились кошмары. Юлия отбивалась от невидимых врагов. Но Гисла лежала совсем неподвижно, не глядя ни на что и одновременно глядя на все на свете.

Рядом с ней спала девочка с огненными волосами, Элейн из Эббы. Хёди пришел бы в восторг от цвета ее волос.

Почему она думает о нем? Почему зовет его Хёди, словно он – один из ее братьев, а не просто какой-то юноша, которого она едва знает?

Она сама сумела ответить на свой вопрос: Хёд был жив, а ее братья умерли. Хёд существовал, а ее семья сгинула.

Она обвела пальцем руну у себя на ладони, думая, не пора ли связаться с ним, но не решилась встать с тюфяка и не захотела резать себе пальцы. Ее сердце и так обливалось кровью. Казалось, что этого ей достаточно. Но нет, этого было недостаточно, и Гисла пообещала себе, что вскоре предпримет заправдашнюю попытку.

В глубине души она боялась, что у нее ничего не выйдет и что Хёд тоже исчезнет. Она не вынесла бы этого. Только не теперь. Так что она уцепилась за надежду встретиться с ним и, лежа в темноте, представляла, как пустота заполняет ей грудь, живот... А потом она перестала что-либо чувствовать и уснула.

7 лучей

Женщина-тень, о которой мастер Айво упомянул в первый вечер за ужином, появилась в храме спустя несколько дней. Она была вся в крови. Хранитель Дагмар принес ее на руках из-за крепостной стены. Когда он вошел с ней в храм, она прижималась к нему, прикрывая лицо ладонями. Он прошагал через кухню прямо в лечебницу. Лицо у него было почти таким же белым, как и у нее.

– Не бойтесь, с ней все в порядке. Она просто напугана. Это кровь овцы из нашего стада, а у нее самой только царапина на руке. Я ее перевяжу. Сидите, – успокоил он дочерей и работавших в кухне хранителей, не сводивших с него изумленных глаз.

Он плотно закрыл за собой дверь лечебницы, а когда девочки вновь увидели женщину-тень, крови на ней уже не было. Но, несмотря на это, выглядела она пугающе.

Она была молода, а ее бледная кожа еще не знала морщин, но волосы у нее были белыми, как у старухи. Прозрачные светлые глаза почти не выделялись на лице: их цвет напомнил Гисле дождевые облака. Гисле было едва ли не страшно смотреть на нее, но, однажды взглянув, она уже не могла отвести глаз. Женщина была странной... и красивой... ее красота походила на красоту Хёда. Мастера Айво тоже заворожила женщина-тень: в тот вечер, когда она впервые присоединилась за ужином к хранителям и дочерям, он придвинулся к ней и не сводил с нее глаз, словно сорока – с блестящей безделушки. Под его пристальным взглядом она не отвела глаз, но ее белые руки беспокойно задвигались, цепляясь за балахон.

– Глаза у тебя как стекло, – сказал он. – В них человек видит себя. Его красота – или отсутствие красоты – зрит прямо на него.

Гисла про себя сочинила мелодию, чтобы показать Хёду женщину-тень, если у нее будет такая возможность. Руна на ладони уже зажила. Ее линии теперь побледнели, но при этом казались толще, выпуклее. Гисла каждый день откладывала в памяти какие-то сцены и подбирала к ним мелодии, чтобы однажды... спеть ему. Если она все-таки решится.

Женщина-тень, белее снега, бледная будто лед, с головы и до пят. Откуда она взялась, мне неизвестно, женщина-тень, белее снега.

Женщина-тень – хранитель Дагмар звал ее просто *Тенью* – была лет на десять старше Гислы и не годилась ей в матери. Но как раз эту роль она должна была сыграть для дочерей кланов. Дагмар рассказал, что она была пастушкой и пришла с полей, чтобы помочь с «новым храмовым стадом».

Хранители вынесли из одной комнаты хранившиеся там реликвии и вместо них расставили в ряд кровати. В ногах каждой кровати поставили по сундуку, чтобы девочкам было где хранить свои вещи, хотя у них почти ничего и не было. У Гислы имелись лишь руна на ладони да зеленое платье, в котором она приехала в храм. Тень не была ребенком, но ее кровать поставили в той же комнате, в дальнем конце, и приставили такой же сундук.

Затем хранители обрезами им волосы. Остригли все кудри и локоны, все рыжие, золотые, каштановые и черные пряди. Хранитель, которому доверили это дело, сжался над ними и с разрешения мастера Айво не стал брить наголо, а оставил на головах короткую поросль. Тень тоже подстриглась, и ее тяжелые белые волосы упали на пол снежным покрывалом. Как ни странно, от этого их собственная утрата лишь стала горше.

– Хорошо хоть, что нас не остригли налысо, – сказала Элейн, плакавшая не меньше других, когда волосы упали к ее ногам.

– Хорошо хоть, что мы не похожи на хранителей, – согласилась Юлия. Она подняла с пола свою косу воина и отказалась ее отдавать. – Я ее заберу. Она моя. Буду хранить ее у себя в сундуке, – заявила она.

– Мы не похожи на них... но и на себя не похожи, – мрачно заметила Гисла.

При этих словах Тень и другие девочки удивленно обернулись к ней. Гисла отвечала на вопросы, если ей их задавали, но сама никогда не произносила больше двух слов подряд.

Их обмерили и пошили для них лиловые балахоны и белые платья со сборкой у шеи и на запястьях. Эти платья полагалось носить под балахоном всегда, когда они покидали здание храма – пусть даже затем, чтобы пройти по парадной площади или по храмовому саду. На горе жили король, его стража и замковая обслуга, и девочкам нужен был явный знак отличия. Им запрещалось гулять без сопровождения, даже всем вместе.

– Это ради вашей безопасности. Все, кто вас видит, должны сразу же понимать, что вы дочери храма, – объяснил хранитель Дагмар.

Чаще всего их обучением занимался именно он. Он был единственным из хранителей, кто умел общаться с детьми: он сам вырастил племянника, но теперь король Банрууд забрал мальчика из храма к себе во дворец и приставил к принцессе, для охраны.

Каждой из девочек сшили по две смены нижнего белья, по ночной рубашке и по два халата на каждый день. Все это – из самой мрачной серой ткани, какую Гисле только доводилось видеть в жизни. Чтобы обшить храмовых дочерей, из королевской деревни вызвали швею, и она явилась с тележкой, которую тащил за собой приземистый тощий ослик. Правда, в храм швею не пустили, и она принялась за работу прямо во дворе.

Храм и королевский замок стояли друг напротив друга, по разные стороны широкой, мощенной булыжником площади на северном склоне горы. Земли короля были отделены от земель хранителей стеной. Владения короля были просторны, там имелись конюшни, поля, казармы для стражи, двор для учений и спортивных игр. За пределами королевских владений лежало еще около мили ничьей земли – поле неправильной формы. На время королевского турнира, проводившегося, по рассказам хранителей, каждый год, на этом поле на долгие дни выстраивались ряды разноцветных шатров.

На восточном склоне горы, позади храма, тянулись загоны для скота, сады и постройки, которыми пользовались лишь хранители, – от прочих владений их отделяла еще одна стена. Земли храма по размерам сильно проигрывали королевским, но хранители пользовались ими с умом. Далеко не вся жизнь в храме уходила на изучение рун, чтение свитков и молитвы богам. Каждый из хранителей владел каким-то умением или ремеслом, и у каждого была своя обязанность, а порой даже несколько, так что все они – кто в большей, кто в меньшей степени – вносили свой вклад в общее хозяйство. Храм был своего рода деревней, населенной обритунами наголо мужчинами и жившей по строгим правилам, но, как ни странно, эта строгость даже нравилась Гисле. После долгих месяцев хаоса и неуверенности в завтрашнем дне царивший в храме порядок внушал ей пусть не ощущение безопасности, но хотя бы относительное спокойствие.

Хранители не таили на девочек зла, но вели себя с ними неловко и холодно: многих братьев раздражало присутствие в храме непрощенных гостей. Ни у кого из хранителей не было детей. Ни один из них не чувствовал себя свободно с женщинами всякого возраста, и потому они всеми силами избегали девочек, обходили их стороной, склонив голову и отводя взгляд. Тень они тоже избегали. Все, кроме Дагмара и мастера Айво.

Верховный хранитель настоял на том, чтобы с девочками обращались как с будущими хранительницами – он называл их послушницами. Их учили чтению и письму, песням и заклинаниям.

Гисле мастер Айво казался похожим на Арвина – учителя Хёда. Возможно, все дело было в том, что оба горбились. Или в том, как загибался крючком нос верховного хранителя. Или в том, как ярко горели знанием его глаза. Или попросту в том, как она чувствовала себя в их присутствии. Загнанной. Беззащитной. Неспособной что-либо скрыть. Ни свои чувства, ни свой голос, ни свою неприкаянность, ни свое одиночество.

– Он такой некрасивый, – сказала Башти, изображая согбенную спину мастера Айво, его птичьих манеры.

– Поэтому я ему верю, – заметила Тень. – Давным-давно я узнала, что физический облик – лишь скорлупа, в которой кроется зло. Мастер Айво выглядит как злодей. Но он не таков.

– Король очень красив, – прибавила Элейн, и всем стала понятна не высказанная ею мысль.

Мастер Айво напоминал крупного сторбленного стервятника с когтистыми лапами и мясистым клювом. Его обведенные черным глаза и губы казались бы еще страшнее, если бы Дагмар не объяснил девочкам, что они значат. Спустя примерно неделю после их прибытия в храм, в их первый полный день в качестве «послушниц», хранитель Дагмар ответил на все их вопросы. Тень тоже сидела с ними, хотя и знала куда больше, чем дочери храма. Казалось, что она уже давно задала все свои вопросы и получила на них ответы.

– Что значит послушник? – спросила Башти.

Элейн и Юлия, вероятно, понимали значение этого слова, но вот Гисла была признательна Башти за прямой вопрос.

– Послушники происходят из всех кланов, – начал Дагмар, – но они должны заручиться поддержкой своего ярла, а верховный хранитель должен позволить им остаться в храме. Чаще всего послушники, окончив обучение, становятся хранителями.

– А нас тоже будут всему обучать? – спросила Юлия и пристально взглянула на Дагмара.

– Вас научат читать и писать. Научат истории. И философии. Вы выучите язык богов и легенды о них. То будут легенды о богах Сейлока и о богах самых разных стран и народов. Так вы лучше поймете собственную культуру.

Гисле захотелось узнать, будут ли они изучать культуру Сонгров, но она промолчала.

– Мы будем учиться сражаться и фехтовать? И драться? – спросила Юлия.

Дагмар поджал губы, обдумывая ее вопрос.

– Да. Думаю, будете. Мастер Айво сказал, что с вами следует обращаться как с послушниками. Всех хранителей обучают навыкам самообороны. Значит, вас научат и этому.

– Мы начнем прямо сегодня?

Дагмар улыбнулся:

– Скоро. Мы начнем скоро. Быть может, Байр сумеет вас обучить.

– Ты рассказывал мне про руны, Дагмар. Расскажи и им, – вмешалась Тень, ненавязчиво меняя тему.

– Руны – это язык богов, – отвечал Дагмар.

От одного упоминания о рунах глаза у всех шести слушательниц широко раскрылись.

– Но ведь руны под запретом, – прошептала Элейн. Она выросла в Сейлоке и явно знала много больше, чем остальные девочки.

– Теперь вы послушницы, – сказал Дагмар. – Но мы будем двигаться медленно. Очень очень медленно.

– Но ведь... чтобы наполнить руны силой, нужна кровь рун? – настаивала Элейн, прикусив губу. – А что, если в наших жилах не течет кровь рун? Как тогда я... как мы станем хранительницами?

– Не всем, в ком течет кровь рун, выпадает стать хранителями. И наоборот, хранителями становятся не все послушники. Есть и другие пути... другие, не менее достойные занятия, – сказал Дагмар.

– Все руны нужно писать кровью? – спросила Гисла, думая о руне, начертанной у нее на ладони. О руне, которой ей только предстояло воспользоваться, хотя она каждый день думала о Хёде.

– Да. Именно кровь придает рунам силу.

– Значит, если в человеке нет... крови рун... то руна сама по себе не имеет силы? – спросила она. Хёд говорил Арвину, что в ней течет кровь рун.

Дагмар кивнул.

– Зачем же охранять руны, если они бесполезны для людей, не имеющих силы? – спросила Тень, снова отвлекая Дагмара. Слишком многое им предстояло изучить, слишком многое предстояло узнать.

– Нас не заботят те, кто не имеет силы. Но если в человеке течет кровь рун, это еще не значит, что помыслы у него чистые. Власть часто развращает.

– И хранителей... тоже? – спросила Элейн.

В этом и был главный вопрос. Если хранители не лучше других представителей кланов, то дочерям храма грозит опасность.

– Конечно. Хранители – всего лишь люди. Но поэтому мы и живем здесь, вдали от богатств и наград, вдали от соблазнов, которые могли бы нас развратить. Это хрупкое равновесие. Мы не используем руны, чтобы добиться власти или господства. Не используем их ради выгоды или славы. Мы ищем мудрости, понимания и терпения.

– В Байре течет кровь рун... поэтому он так силен, – сказала Тень, встретившись глазами с Дагмаром.

Казалось, им известна какая-то общая тайна. Люди в храме скрывали множество тайн. Гисла никому здесь не верила, но внимательно прислушивалась к разговору. Беседа о рунах напомнила ей о Хёде и о безумном Арвине.

– А Байр когда-нибудь станет хранителем? Или послушником? – спросила Башти.

– Он воин! – фыркнула Юлия, словно одна только мысль о том, чтобы мальчик из храма впустую тратил свои силы, казалась ей смешной и нелепой. – Воины не становятся хранителями. Они сражаются. Вот чем я хочу заниматься.

– А в девочках течет кровь рун? – спросила Элейн, все еще беспокойно покусывая губу.

– Конечно. У моей сестры... у матери Байра была кровь рун. Она течет во многих женщинах.

– Почему же тогда среди хранителей нет женщин? – спросила Юлия.

– Женщины – хранительницы другого рода.

– Что ты имеешь в виду? – нахмурилась Юлия.

– Женщины – хранительницы детей. Хранительницы кланов, – вновь заговорила Тень, словно повторяя когда-то слышанные ею слова.

Дагмар кивнул.

– Во все времена женщины были нужны в других местах. Нас, мужчин, легче было заменить. Нас *и теперь* легче заменить.

– Что это значит? – спросила Далис.

В свои пять лет она вряд ли многое понимала из этого разговора. Но и другие девочки мало что понимали. Ни одна из них не умела читать. Ни одна не умела писать. Так что учиться им предстояло вместе, несмотря на разницу в возрасте.

– Это значит, что мы... не так ценны.

– А что значит «ценны»? – спросила Далис.

Дагмар улыбнулся, а Юлия застонала, с нетерпением ожидая возможности задать свой вопрос.

– Ценный – это такой, каких очень мало. Ценный – значит особенный. Все вы... ценность.

– Почему вы отрезали нам волосы? – мягко спросила Элейн.

Она единственная из всех пока не оправилась после этой потери.

– Мы бреем головы, чтобы показать, что мы не такие, как другие люди, и носим одежду одного цвета, чтобы показать, что мы едины, – ответил Дагмар, сочувственно глядя на нее.

– Почему вы черните глаза? – спросила Юлия.

– Это символ.

– Чего?

– Нашей... неспособности видеть и понимать.

– Мастер Айво еще и губы себе чернит, – напомнила Юлия. – Но *ты* не чернишь. И никто из обычных хранителей не чернит.

– Он верховный хранитель и потому обладает огромной силой, многократно превосходящей силу любого из людей. Но по сравнению с богами и норнами он ничто. Всего лишь плоть. Игрушка судьбы, смерти, прихотей богов. Он чернит себе губы, чтобы показать, что его слова – не слова бога. Чернит глаза, чтобы показать, что он не всеведущ.

– Что такое все-се-фе-ве-душ? – спросила Далис, едва одолев это слово.

Дагмар встал и сцепил пальцы рук в знак того, что допрос окончен.

– Всеведущий – это тот, кто знает все. Никто из нас не всеведущ. Даже верховный хранитель. И точно не я. Завтра у вас будет время задать мне другие вопросы. И послезавтра тоже. А теперь давайте просто проживем следующие несколько часов.

Мастер Айво начал постепенно приучать их к образу жизни хранителей, уподобляя их занятия занятиям братии. У девочек была своя комната, и они играли больше, а молились меньше, чем хранители. Кроме того, они не бывали в святилище, но обучались в отдельном помещении. Обучением занималась чередой мрачных хранителей: неизменным скучным тоном они повествовали дочерям о разных скучных материях. Больше всего девочкам нравился хранитель Дагмар, и ему, казалось, тоже нравилось их учить, но Гисла порой подмечала, каким странным взглядом он смотрит на Тень. В этом взгляде смешивались страх и нежность. Или, быть может, в нем был *страх нежности*. Гисла это вполне понимала. Она хорошо помнила, что в слишком сильной привязанности нет никакого прока.

Тень все время оставалась при девочках и заботилась о них. Она спала в их комнате, ела за их столом и сидела с ними на занятиях. Гисла с удивлением узнала, что Тень тоже не умела читать. Она не умела чертить руны и пользоваться ими. Только хранитель Дагмар и мастер Айво знали о ней больше, чем все остальные, и понимали, что привело ее в храм. Сама же она – как и все дочери – молчала о своем прошлом и лишь однажды коротко поведала свою историю.

– Когда я была совсем ребенком, – сказала она, – меня оставили в лесу. Меня подобрала одна старая женщина. Она почти ничего не видела и потому не знала, как я выгляжу. Она жила одиноко, дети ее давно выросли. Я оставалась при ней, пока мне не исполнилось пять лет. Когда она умерла, ее сын забрал меня к себе в дом и сделал служанкой. С тех пор я бывала во многих домах... но никогда прежде не жила в храме.

Поначалу все дочери боялись ее, особенно когда она, подобно хранителям, чернила себе глаза. Гисла считала, что Тень хочет выглядеть как хранители, не хочет от них отличаться. Но с черными глазами она казалась еще страшнее.

И все же мало-помалу девочки привыкли к Тени, а она – к ним. Самые младшие тянулись к ней, особенно по вечерам, перед сном. Они придвинули свои кровати поближе к ее кровати и ходили за ней по пятам, как утята.

Гисла не сдвинула свою кровать с места. Она спала с краю, у самой двери. Каждую ночь она планировала этим воспользоваться, выскользнуть в храм, найти тайное место, собраться с духом и вызвать Хёда. И каждую ночь оставалась в постели, лежала, вслушиваясь в сонное дыхание остальных, слишком боясь, что у нее ничего не выйдет.

Никто из девочек не рассказывал о своей прежней жизни. Казалось, не только Гисла не привыкла откликаться на свое храмовое имя. Бедняжка Далис откликалась на все подряд. Элейн, родом из Эббы, была истинной дочерью Сейлока. И Юлия тоже, хотя ее отец и был мародером, разбойником, гончим псом. Имя Башти не было бернским, хотя и начиналось с той же буквы, что все имена клана. Порой Башти пела во сне – на языке, которого Гисла не могла разобрать. Быть может, то были песни ее народа, людей, которые любили ее когда-то,

целую жизнь тому назад. Так же как Сонгры любили Гислу. Но о своей прежней жизни ни одна из них не рассказывала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.